

В "Старообрядец", 1906 г.

**Протоколы частнаго собранія старообрядцевъ послѣ
VI Всероссийскаго съѣзда старообрядцевъ 2—5
августа 1905 г. въ Н.-Новгородѣ *).**

Шестому всероссійскому съѣзду старообрядцевъ

Отъ нижеподписавшихся членовъ
упомянутаго съѣзда

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ программѣ засѣданій VI-го Всероссийскаго съѣзда, разосланной совѣтомъ попечительства старообрядческимъ обществамъ, былъ намѣченъ къ разсмотрѣнію вопросъ о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17-го апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ; но предсѣдатель совѣта попечительства предъ открытіемъ VI-го съѣзда этотъ вопросъ снялъ съ очереди по независящимъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ старообрядческія общества прислали своихъ уполномоченныхъ на съѣздъ несомнѣнно для рѣшенія и этого означеннаго въ программѣ вопроса, и нѣкоторые члены съѣзда желаютъ высказаться и по этому вопросу;— поэтому мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ всѣмъ членамъ съѣзда, желающимъ высказаться по назначенному въ программѣ объ указѣ 17-го апрѣля вопросу, собраться для этого на частное собраніе. Слѣдуютъ подписи.

*) На VI Всероссийскомъ старообрядческомъ съѣздѣ, состоявшемся 2—5 августа въ Н.-Новгородѣ, предсѣдатель совѣта съѣздовъ Д. В. Сироткинъ снялъ съ очереди кардинальный вопросъ программы, разосланной всѣмъ старообрядческимъ обществамъ, „о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17 апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ“, ссылаясь на требованіе г. Нижегородскаго губернатора. Тѣмъ не менѣе этотъ важный вопросъ не остался совсѣмъ безъ разсмотрѣнія. Было устроено частное собраніе 6—10 августа, протоколы засѣданій котораго, и помѣщены здѣсь. Своевременно протоколы не могли быть напечатаны по независящимъ обстоятельствамъ, даже газетную корреспонденцію о собраніи не могло своевременно помѣстить ни одно изданіе. Теперь же они печатаются какъ историческіе документы. *Ред.*

Программа частнаго собранія членовъ VI всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

- 1) Вопросъ о недопущеніи председателемъ совѣта съѣзда обсужденія указа 17 апрѣля по программѣ, разосланной совѣтомъ съѣзда.
- 2) Сущестующій государственный строй (самодержавіе) обезпечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данныя 17 апрѣля.
- 3) Сущестующій государственный строй соотвѣтствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?
- 4) Нужно ли народное представительство для сохраненія правъ вѣротерпимости и народнаго благосостоянія?
- 5) Народное представительство рѣшающій или совѣщательный должно имѣть голосъ?
- 6) Какая должна быть система выборовъ народныхъ представителей?

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI Всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ.

1 засѣданіе 6 августа 1905 года.

Вслѣдствіе недопущенія г. председателемъ, по независящимъ обстоятельствамъ, обсуждать на съѣздѣ вопросъ о положеніи старообрядчества въ связи съ указомъ 17 апрѣля и общимъ современнымъ положеніемъ Россіи, нѣкоторыми членами было предложено собраться на частное засѣданіе и обсудить этотъ вопросъ.

Собравшись 6 августа 1905 г., частное собраніе избрало изъ своей среды председателемъ В. Е. Мельникова.

В. Е. Мельниковъ, занявъ мѣсто председателя, предложилъ собранію избрать, для составленія отчетовъ засѣданія, секретарей.

Избраны І. К. Перетрухинъ и А. Г. Спичаковъ.

По избраніи секретарей председатель объявилъ засѣданіе открытымъ. Председателемъ была прочитана программа засѣданія. Сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя поправки, собраніе постановило обсуждать намѣченные въ ней вопросы

Председателемъ былъ предложенъ на обсужденіе I пунктъ программы, который гласитъ: „Вопросъ о недопущеніи председателемъ съѣзда обсужденія указа 17 апрѣля по программѣ, разосланной совѣтомъ попечительства“. Вопросъ вызвалъ горячія пренія. Большинствомъ голосовъ рѣшено не дѣлать никакого постановленія по этому вопросу. Затѣмъ председателемъ было предложено разобрать по пунктамъ указъ 17 апрѣля. Предложеніе принято.

По обмѣнѣ мыслей собраніе пришло относительно указа 17 апрѣля къ слѣдующимъ выводамъ:

I пунктъ признаетъ, что отпаденіе отъ господствующей церкви лицъ всякаго возраста закономъ не преслѣдуется, но если лицо, отпавшее отъ вѣдомства православнаго исповѣданія, не достигло совершеннолѣтія, то оно официально перечисляется въ избранное имъ исповѣданіе только по достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія.

II пунктъ. 1 половина пункта ясно устанавливаетъ, что при переходѣ одного изъ супруговъ одной христіанской религіи въ другую, всѣ несовершеннолѣтнія дѣти остаются въ прежнемъ исповѣданіи. 2 половина пункта темна, именно: при переходѣ обоихъ супруговъ въ иное исповѣданіе, дѣти достигшія 14 лѣтняго возраста обязательно ли остаются въ прежней вѣрѣ или же свободны въ избраніи религіи?

Пункты III, IV, V, VI и VII ясны.

VIII пунктъ предусматриваетъ разрѣшеніе постройки старообрядческихъ молитвенныхъ храмовъ на одинаковыхъ правахъ съ инославными вѣроисповѣданіями.

IX пунктъ а) предоставляетъ общинѣ право избирать изъ своей среды исправителя духовныхъ требъ б) подъ словомъ „настоятель“ разумѣются старообрядческіе священнослужители в) требуется, чтобы „старообрядческіе настоятели“ по избраніи обществомъ обязательно утверждались правительствомъ, въ противномъ случаѣ они не могутъ исполнять духовныя требы. Такъ разумѣло большинство; меньшинство же, въ лицѣ гг. И. Захарова, Ѳ. Мельникова, Я. Бушнова и Е. Валова, не видятъ, что законъ безусловно обязываетъ представлять старообрядческихъ настоятелей на утвержденіе правительству и г) явно противорѣчитъ сама себѣ, такъ какъ нельзя никоимъ образомъ обозначить положеніе „настоятелей“ среди старообрядческаго духовенства, не упоминая ни одного „православнаго іерархическаго наименованія“, т. е. словъ: епископъ, священникъ и діаконъ, съ какимъ бы то ни было опредѣленіемъ.

Г. Захаровъ проситъ занести въ протоколъ особое мнѣніе, что подъ словами: „старообрядческой епископъ“, „старообрядческой священникъ“ и „старообрядческой діаконъ“ нельзя разумѣть „православныхъ іерархическихъ наименованій“.

Послѣдняя часть IX пункта д) указываетъ, что въ паспортѣ въ графѣ, опредѣляющей родъ занятій, допускается обозначать различіе положенія настоятелей среди старообрядческаго духовенства.

X пунктъ въ I половинѣ предоставляетъ полную свободу въ богослуженіи въ храмѣ и иныхъ потребныхъ для этого случаяхъ. II половина разрѣшаетъ свободно исполнять въ облаченіи богослуженія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть воспрещено закономъ надѣвать облаченіе. Но такое ограниченіе закономъ будетъ бессмысленнымъ, такъ какъ ни одна духовная треба безъ облаченія не можетъ быть совершаема.

XI, XII и XIII пункты ясны.

По обсужденіи указа 17 апрѣля одинъ изъ членовъ засѣданія предлагаетъ собранію избрать изъ своей среды лицо, которое взяло бы на себя трудъ выразить открытымъ письмомъ въ мѣстныхъ газетахъ порицаніе миссіонерамъ государственной церкви за ихъ преслушаніе царской воли, выраженной въ указѣ 17 апрѣля. Въ пунктѣ 5 запрещается впредь упоминать слово „раскольникъ“, замѣнивъ его слово „старообрядецъ“; между тѣмъ миссіонеры до сего времени употребляютъ слово „раскольникъ“ даже публично, въ печати.

Собраніе избрало для этой цѣли г. Зенина.

По обсужденіи указа 17 апрѣля предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Общимъ собраніемъ рѣшено копію протокола сообщить совѣту попечительства, а протоколъ подписать предсѣдателю. Слѣдуютъ подписи.

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI Всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

2 засѣданіе 7 августа 1905 года.

Предсѣдателемъ избранъ г. Макаровъ.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель прочиталъ утвержденную въ первомъ засѣданіи программу частнаго собранія и предложилъ всѣмъ, кто не желаетъ принять участія въ обсужденіи поставленныхъ въ программѣ вопросовъ, оставить собраніе.

Далѣе предсѣдателемъ поставленъ на обсужденіе I пунктъ программы: „существующій государственный строй (самодержавный) обезпечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данныя указомъ 17 апрѣля?“ и предложено собранію высказаться по этому вопросу.

В. Е. Мельниковъ: Я прошу разрѣшенія высказаться по предложенному къ обсужденію вопросу. На вопросъ: существующій государственный строй Россіи обезпечиваетъ ли намъ права, данныя указомъ 17 апрѣля, я отвѣчаю: нѣтъ, не обезпечиваетъ! Указомъ 17 апрѣля намъ даны хотя и не полныя права вѣротерпимости, но все-таки, можно согласиться, болѣе широкія въ сравненіи съ закономъ 3 мая 1883 года. До этого указа мы, старообрядцы, были на положеніи лишенныхъ правъ, но съ этого момента за нами признана не только религіозная свобода, но и гражданскія права. До указа 17 апрѣля намъ былъ рѣшительно закрытъ доступъ на всѣ государственныя службы, мы не могли быть ни учителями, ни офицерами, хотя бы по образовательному цензу были и достойны этого. Существовали и такіе циркуляры въ военномъ вѣдомствѣ, коими воспрещалось производить старообрядцевъ даже въ унтеръ-офицеры. Слѣдовательно указъ 17 апрѣля для насъ есть актъ чрезвычайной важности, актъ, положившій начало не только нашей религіозной, но и гражданской свободы. Однако, хотя указъ 17 апрѣля изданъ и Высочайшею властью, т. е. такою властью, выше которой у насъ въ Россіи нѣтъ, тѣмъ не менѣе это не должно дѣйствовать на насъ успокоительно. Мы не должны положить свое оружіе и сказать: „довольно, мы своего достигли“. Нѣтъ намъ теперь предстоитъ еще болѣе трудная задача, задача—сохранить, закрѣпить за собой Высочайше признанныя за нами права. Вотъ теперешняя наша задача. Чтобы болѣе сознательно проникнуться важною этой задачи, намъ слѣдуетъ хотя кратко прослѣдить ту политику нашего самодержавнаго правительства, которую оно проявляло по отношенію къ намъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Крѣпкая исторія старообрядчества намъ наглядно показываетъ, что наше правительство не было послѣдовательно въ своихъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ намъ старообрядцамъ. Одно время оно насъ страшно преслѣдовало, другое давало намъ такую свободу, которой мы и не ожидали, наконецъ вновь начинало насъ преслѣдовать. Вспомнимъ первые годы нашего протеста противъ никоновской реформы. Въ эти годы насъ жгли, живыхъ зарывали въ землю, намъ рѣзали языки, отрубали головы, однимъ словомъ—подвергали всѣмъ тѣмъ ужаснѣйшимъ и кровавымъ казнямъ, которыя господствовали въ тѣ времена. Вспомнимъ, далѣе, времена Екатерины II-й. Въ это царствованіе, когда понадобился приливъ свѣжихъ, молодыхъ силъ для заселенія и обрусенія далекихъ для того времени звожскаго и Новороссійскаго края, старообрядцамъ, чтобы побудить ихъ возвратиться изъ Польши, разрѣшаютъ строить церкви, основывать монастыри, совершать церковное

богослуженіе публично, имѣть свою общественную собственность и даже присоединять отъ господствующей церкви священниковъ. Наконецъ, припомнимъ времена Николая I-го. Въ это царствованіе правительство снова воздвигаетъ на насъ преслѣдованіе. У насъ отбираются церкви, раззоряются монастыри, уничтожается общественная собственность, намъ воспрещается публичное богослуженіе, а о присоединеніи къ намъ священниковъ не можетъ быть и рѣчи. Такія рѣзкіе переходы нашего правительства отъ гоненія къ свободѣ и обратно свидѣлствуютъ лишь одно, что какъ репрессія, такъ и религіозная свобода, объявляемая намъ Высочайшими указами, не вѣчны. Сегодня намъ дана свобода, а завтра она у насъ вновь можетъ быть отнята.

Предъ нами указъ 17 апрѣля, кѣмъ даны намъ нѣкоторыя льготы, но кто намъ поручится, что эти льготы черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, а то и менѣе не будутъ отъ насъ вновь отобраны. Кто намъ поручится, что наши рогожскіе алтари, нынѣ открытые Высочайшею властью, чрезъ десять-двадцать лѣтъ вновь не будутъ запечатаны, а наша общественная собственность, которую мы приобрѣтемъ въ силу указа 17 апрѣля, не будетъ у насъ конфискована? Кто дастъ въ этомъ намъ поруку? Никто! Пока существуетъ самодержавно-бюрократическій режимъ, пока наша страна прозябаетъ существующимъ государственнымъ строемъ, никто не дастъ намъ такой поруки. Напротивъ, зловѣщіе факты, совершившіеся уже послѣ указа 17 апрѣля, даютъ основаніе подозрѣвать, что въ недалекомъ будущемъ льготы, данныя намъ 17 апрѣля, будутъ упразднены, если только государственный строй останется теперешній. Царь открываетъ намъ алтари Рогожскихъ храмовъ для богослуженія, а самодержавное правительство отбираетъ отъ нашихъ попечителей подписку,—не допускать къ богослуженію въ нихъ нашихъ епископовъ. Царь говоритъ въ указѣ 17 апрѣля—отнынѣ не называть старообрядцевъ раскольниками, а представители миссіонерства, тѣ представители, которые всегда укоряли старообрядцевъ въ неповиновеніи царской волѣ, печатно заявляютъ, что этотъ пунктъ указа для нихъ не обязателенъ. Царь приказываетъ уничтожить всякія ограниченія для доступа старообрядцевъ на государственныя и общественныя должности, а правительство заявляетъ, что если городской голова или сельскій староста будетъ старообрядецъ, то помощникъ его непременно долженъ быть сынъ господствующей церкви. Господа! Мы искони были преданы царю, мы ежедневно возносили о немъ молитвы. Мы видимъ, что передніе ряды царскихъ враговъ и супостатовъ занимаетъ наше самодержавное правительство. Мы видимъ, что первыми слушниками, первыми противниками царской власти являются такъ называемые вѣрные Его слуги. Намъ долгъ, наша священная обязанность стать на защиту попираемаго царскаго слова—это мы должны сдѣлать какъ въ интересахъ царской воли, такъ равно и въ интересахъ своихъ. Но какъ, какимъ образомъ этого достигнуть? вотъ вопросъ, который мы и должны обсудить на нашемъ собраніи. По моему мнѣнію, путь для достиженія этого намъ указанъ самимъ царемъ. Въ рескриптѣ на имя Мин. Вн. Дѣлъ царь говоритъ, что онъ рѣшилъ призвать для совѣта съ собой людей, облеченныхъ довѣріемъ народа. Въ силу этого царскаго слова у насъ въ Россіи учреждается Государственная Дума. Мы, старообрядцы, и должны сказать, что только при существованіи у насъ Государственной Думы съ рѣшающимъ голосомъ и возможно сохраненіе въ силѣ указа 17 апрѣля. Если же у насъ останется прежній государственный строй, то никто не помѣшаетъ льготы, данныя намъ Николаемъ II-мъ, отнять у насъ ему же или Алексѣю II-му. Очень возможная вещь,

что общественная собственность, которую мы имѣемъ приобрести на основаніи Высочайшаго указа 17 апрѣля, будетъ у насъ чрезъ нѣсколько времени конфискована правительствомъ. Я поэтому стою за упраздненіе нынѣ существующаго государственнаго строя.

Ө. Е. Мельниковъ: Въ подтвержденіе выводовъ предшествующаго оратора я также укажу на такіе факты, которые свидѣтельствуютъ, что существующій нынѣ въ Россіи политическій строй не обезпечиваетъ на будущее время сохраненія религіозныхъ льготъ, данныхъ старообрядцамъ указомъ 17 апрѣля. Уже послѣ этого указа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція преслѣдовала старообрядцевъ. Такъ въ г. Боровскѣ (Калужской губ.), при провозженіи покойника на кладбище, полицейскій надзиратель запретилъ пѣвчимъ пѣть „Святый Боже“, а когда они, не смотря на запрещеніе, продолжали пѣть, полицейскій чиновникъ силою принудилъ ихъ прекратить пѣніе. Отсюда ясно, что полицейскій режимъ въ Россіи выше и сильнѣе всякихъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній. Въ посадѣ Воронкѣ (Черниговской губ.) старообрядцы на основаніи апрѣльскаго указа поставили на своемъ молитвенномъ храмѣ крестъ. Но узнавъ объ этомъ, мѣстный миссіонеръ о. Родіонцевъ возбудилъ полицію низложить этотъ крестъ. Явившись къ старообрядческому храму въ количествѣ 6 человекъ, полиція самовольно сняла крестъ. Но узнавшіе объ этомъ старообрядцы ударили въ набатъ и собрали громадную толпу, которая кулачной угрозой заставила полицію снова поставить крестъ на свое мѣсто. Вотъ эти факты блестяще доказываютъ, что существующій полицейско-бюрократическій строй не обезпечиваетъ прочности указовъ и законовъ въ Россіи и правъ человѣка-христіанина и гражданина.

Предсѣдатель читаетъ свой докладъ о сущности и значеніи указа 17 апрѣля и объ отношеніи къ нему старообрядцевъ.

По прочтеніи доклада происходитъ обмѣнъ мнѣній.

Ө. Е. Мельниковъ: По поводу прочитаннаго доклада, я могу сдѣлать слѣдующія замѣчанія: во первыхъ, я не согласенъ съ тѣмъ, что не нужно посылать старообрядческихъ депутатовъ въ особое совѣщаніе графа Игнатьева о вѣротерпимости. Нужно принять во вниманіе, что если мы сами иногда не можемъ сразу рѣшить, что намъ, собственно, нужно и полезно, и высказываемся иногда различно, то правительство, далеко стоящее отъ народа и старообрядчества въ частности, не можетъ знать, что намъ необходимо и что не нужно, какими бы благими намѣреніями оно ни было проникнуто. Намъ нужно стараться, чтобы наши уполномоченные непременно попали въ особое совѣщаніе и выяснили нужды и желанія старообрядчества. Вамъ, г., несомнѣнно извѣстно, что, до разрѣшенія вопроса о вѣротерпимости комитетомъ министровъ, были совѣщанія правительственныхъ лицъ съ старообрядческими представителями, и, какъ мы теперь видимъ, эти совѣщанія принесли намъ пользу. Такую же пользу могутъ принести намъ и предполагаемыя совѣщанія нашихъ уполномоченныхъ съ правительствомъ по вопросу о правахъ старообрядчества. Если же мы не пошлемъ своихъ уполномоченныхъ въ особое совѣщаніе графа Игнатьева, тогда, въ случаѣ изданія неугодныхъ намъ законовъ, вина за это падетъ на насъ. Намъ скажутъ: вы не прислали своихъ совѣтниковъ, и поэтому мы, не зная, что, собственно, вамъ нужно, дали вамъ то, что съ нашей точки зрѣнія казалось законнымъ и справедливымъ. Вотъ по этой причинѣ я стою за посылку нашихъ уполномоченныхъ въ особое совѣщаніе о вѣротерпимости. Во-вторыхъ, я стою за то, чтобы выразить Государю благодарность за указъ

17 апрѣля. Священное писаніе намъ говоритъ: „Благодарны бывайте“, и сами мы не можемъ не сознавать, что царь, несмотря на окружающихъ его льстецовъ и обманщиковъ, представлявшихъ насъ неблагонадежными людьми и врагами родины, проявилъ къ намъ свое вниманіе. Другіе же цари этого для насъ не дѣлали. Не спорю — намъ дано наше святое и неотъемлемое достояніе каждого человѣка и гражданина, которое намъ принадлежитъ по праву и по Божьему закону. Но мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ почти всѣ люди тѣснятъ своихъ ближнихъ, стараются только о себѣ, и очень рѣдкіе люди искренно и безкорыстно полагаютъ свои интересы на пользу другихъ. Эти рѣдкіе люди и заслуживаютъ благодарности за то, что они лучше другихъ и среди мрака хоть немного свѣтятъ. А что указъ 17 апрѣля есть именно свѣтъ, хотя и слабый, въ этомъ никто не сомнѣвается.

Н. Д. Зенинъ присоединяется къ словамъ *Ө. Е. Мельникова*.

И. И. Захаровъ: Прежде чѣмъ сказать «да» или «нѣтъ» по вопросу о томъ, обеспечиваетъ ли существующій строй сохраненіе за нами правъ, полученныхъ 17 апрѣля, я желалъ бы поставить этотъ вопросъ болѣе широко, т. е. обеспечиваетъ ли вообще любой изъ существующихъ въ мірѣ строевъ сохраненіе получаемыхъ правъ? Я полагаю, что не только существующій, но и никакой изъ извѣстныхъ доселѣ строевъ государственной жизни не обеспечиваетъ ни намъ, ни кому-либо другому сохраненіе религіозныхъ правъ.

Предсѣдатель: Такой вопросъ не предусмотрѣнъ утвержденной на вчерашнемъ засѣданіи программой.

В. Е. Мельниковъ: Въ мірѣ нѣтъ такого закона, чтобы ему слѣдовали вѣчно, и чтобы онъ былъ непреложенъ, но все-таки есть гарантія извѣстной прочности, устойчивости и осмысленности законовъ, гарантія того, что извѣстный законъ, безъ особенной необходимости и безъ согласія самого народа, не будетъ, по личному произволу и капризу двухъ—трехъ лицъ, въ любое время вводимъ или отмѣняемъ, какъ это творится у насъ на Руси.

Если въ другихъ странахъ и измѣняется основной законъ, то измѣненіе его допускается лишь въ частностяхъ, въ основѣ же своей онъ остается неприкосновеннымъ. У насъ же, напротивъ. У насъ даже въ одно и то-же время издаются противорѣчивые законы. Пять лѣтъ тому назадъ, какъ, несомнѣнно, помнятъ всѣ присутствующіе здѣсь, правительствомъ рѣшено было уничтожить у насъ священство путемъ отобранія отъ нашихъ епископовъ подписокъ — не совершать богослуженій. Намъ памяты тѣ протоколы Высочайше утвержденныхъ комиссій, тѣ циркуляры министерствъ, въ которыхъ кровавой полосой было начертано уничтоженіе у насъ священства. У насъ еще въ живыхъ тѣ архиепископы, которые, вслѣдствіе отказа дать подписку не совершать богослуженій, были административнымъ путемъ высланы изъ своихъ мѣстожительствъ подъ надзоръ полиціи. И однако все это нисколько не помѣшало одному изъ министровъ предложить намъ заселить Манчурію на правахъ полной религіозной свободы. Намъ говорили, что вы тамъ можете строить церкви, основывать монастыри и пользоваться полной религіозной свободой. Невольно рождается вопросъ, почему это такъ, почему правительство въ одномъ мѣстѣ насъ преслѣдуетъ, а въ другомъ даетъ намъ свободу? Почему такая непоследовательность въ мѣро-

пріятіяхъ правительства къ намъ старообрядцамъ? Потому—можно отвѣтить безошибочно—что правительство привыкло смотрѣть на насъ не какъ на гражданъ русской земли, а какъ на животныхъ, очень пригодныхъ везти правительственные сани. Что это именно такъ—не скрываетъ и само правительство—Нуждалось правительство временъ Екатерины II-й въ молодыхъ силахъ, оно даетъ старообрядцамъ религіозную свободу, съ цѣлью привлечь нашихъ собратьевъ изъ заграницы. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказано въ указѣ Екатерины II-й о вѣротерпимости. Миновала въ этомъ надобность—правительство вновь начинаетъ насъ преслѣдовать въ царствованіе Николая I-го. Задумало наше правительство обрусить кавказскій край—оно заманиваетъ туда старообрядцевъ путемъ предоставленія имъ религіозной свободы. Только исполнили старообрядцы эту правительственную задачу—ихъ начинаютъ тамъ преслѣдовать. Припомнимъ только авантюру Исидора Колоколова (викарія Нижегородской епархіи), разбойнически отобравшаго у насъ на Кавказѣ монастырь и храмъ въ Вознесенской станицѣ. Даже Николай I-й, строго преслѣдуя старообрядцевъ внутри Россіи, въ то-же время на окраинѣ ея, именно въ г. Измаилѣ, разрѣшаетъ старообрядцамъ построить церковь съ куполомъ, главой и крестомъ. Эти факты неопровержимо свидѣтельствуютъ, что правительство наше даетъ намъ религіозную свободу лишь подъ давленіемъ политической необходимости. Кто знаетъ, можетъ быть, и указъ 17 апрѣля является, какъ слѣдствіе такъ называемой русской крамолы!...

Г. К. Перетрухинъ: Изъ заявленій *Θ. Е. Мельникова* видно, что за дарованную Императоромъ «милость» 17 апрѣля необходимо благодарить Государя. Нѣтъ, не хвалить нужно правительство, а порицать его за это. Нужно принять во вниманіе что съ нами продѣлывали 250 лѣтъ за нашу вѣру. Говорятъ, что порицаніе правительству будетъ не по христіански. И это говорятъ старообрядцы, и это говорятъ тѣ люди, которые называютъ себя истинными послѣдователями Христа. Да развѣ Спаситель міра повелѣлъ преклоняться и унижать свое человѣческое достоинство предъ тѣми людьми, которые въ душѣ насъ ненавидятъ, которые 250 лѣтъ насъ жгли, мучили, позорили, попирали и травили, и вотъ, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, вынуждены были дать намъ какія-то жалкія крошки свободы совѣсти? Стыдно вамъ, старообрядцы, первые на Руси поборники свободы совѣсти, стыдно вамъ, свободные граждане, унижать себя, унижать все, что есть лучшаго въ человѣкѣ! Скажу нѣсколько словъ по поводу послышки отъ всероссійскаго старообрядческаго съѣзда депутатовъ въ комиссію графа *Игнатьева* для выясненія своихъ нуждъ предъ правительствомъ. Привесетъ эта послышка пользу, нѣтъ ли, — для меня, собственно, подобный вопросъ не представляетъ существенной важности; я буду судить съ чисто-христіанской точки зрѣнія. Намѣченные избранники, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, будутъ тамъ смиренно унижаться, смиренно заискивать и преклоняться предъ сильными міра сего, чтобы выхлопотать, выторговать какія-нибудь крохи религіозной свободы. Но не обидно ли это будетъ старообрядчеству, на которое, въ лицѣ депутатовъ, падетъ позоръ униженія. И какими глазами на насъ посмотрѣли бы предки? Развѣ вы забыли завѣты перваго противника иконовской реформы, могучаго борца за идеалы старины, страдальца и мученика за вѣру и убѣжденія, богатыря—протопопа *Аввакума*. Вспомните, что писалъ онъ царю *Алексѣю Михайловичу* изъ *Пустозерскаго* подземелья: «Царь государь, воистину глаголемъ ти: смѣло дерзаете, да не на пользу себѣ. Кто бы смѣлъ рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще

не твоя держава попустила тому быти“. Будемъ же и мы говорить только правду и во имя этой св. идеи не будемъ класть пятно пресмыкательства, униженія и позора на старообрядчество. (Аплодисменты).

О. Е. Мельниковъ: О томъ, что въ душѣ у этихъ людей, и о ихъ намѣреніяхъ, мы судить не можемъ. Былъ министр Плеве, который тѣснилъ старообрядцевъ и весь русскій народъ, но вступилъ въ управленіе другой министр князь Святополкъ-Мирскій, и политика перемѣнилась. Значитъ дѣло въ тѣхъ льстецахъ, которые окружаютъ царя. А причина безправнаго положенія старообрядцевъ та, что правительство не знало наши нужды, мы же о нихъ не говорили. Поэтому я и стою за посылку представителей старообрядцевъ въ комиссію графа Игнатьева. А то странное дѣло, съ одной стороны желаютъ народнаго представительства, а съ другой не хотятъ, чтобы правительство выслушало представителей старообрядчества.

Предсѣдатель: Но вѣдь одно дѣло—посылать представителей въ такую комиссію, которая желаетъ намъ добра, желаетъ дать намъ то, что нужно, и другое дѣло—послать ихъ туда, гдѣ намъ желаютъ создать только термазы, затрудненія и ограниченія, гдѣ желаютъ уничтожить свободу и самодѣтельность нашей церкви, подчинивъ наше духовенство правительству и создавъ изъ него касту. О томъ, что на душѣ у этой комиссіи и о ея намѣреніяхъ, мы опредѣленно можемъ судить уже по однимъ фамиліямъ ея членовъ и по ихъ прошлой дѣятельности. Это всѣмъ извѣстные Штюмеръ, его однокашникъ Гурляндъ—сподвижникъ Плеве, а также Саблеръ—сотрудникъ Побѣдоносцева. гр. А. П. Игнатьевъ и Череванскій. Относительно благодарности за указъ 17 апрѣля я опять скажу, что не благодарить, а порицать нужно правительство, ибо оно 250 лѣтъ насъ гнало, жгло, мучило и преслѣдовало за то, что, по его же собственному признанію, оказалось вовсе непроступно. Относительно того, что и въ другихъ странахъ прочность религіозной свободы не гарантирована, я долженъ заявить, что это ложь. Тамъ существуетъ основной законъ, называемый конституціей, который содержитъ договоръ правительства съ народомъ, на какихъ условіяхъ и основаніяхъ правительство должно управлять, и во всѣхъ конституціяхъ всѣмъ гражданамъ обезпечена на вѣчныя времена свобода совѣсти, устнаго и печатнаго слова и личности, и этотъ основной законъ, безъ согласія самого народа, измѣнить или отмѣнить базнаказанно правительство не можетъ, зачѣмъ строго слѣдятъ народные представители. Говорятъ, что правительство не знало нашихъ нуждъ, а мы о нихъ не говорили. Но если оно 250 лѣтъ не знало и не хотѣло знать нашихъ нуждъ, значитъ оно не соотвѣтствуетъ своему назначенію, потому что, во всякомъ случаѣ, не народъ для правительства, а правительство для народа, который въ 1612 году, по свободному избранію, довѣрилъ ему свою судьбу. Но вѣдь это, въ сущности, и неправда, что мы молчали, а правительство не знало. Сколько старообрядцы посылали и подавали прошеній и петицій этому же Государю и министрамъ Сипягину и Плеве, да и раньше. Вѣдь царь и теперь окруженъ все тѣми же льстецами, что и раньше; почему же онъ раньше не сдѣлалъ того, что сдѣлано 17 апрѣля? Да просто время и обстоятельства заставили, и иначе нельзя было сдѣлать.

А зачѣмъ, чтобы знали наши нужды, нѣтъ необходимости посылать въ комиссію гр. Игнатьева людей, такъ какъ на людей никакъ невозможно полагаться, а достаточно послать петицію, въ коей опредѣленно высказать всѣ

наши нужды и желанія, и тогда у комиссіи не будетъ и отговорокъ въ незнаніи. Какой смыслъ посылать намъ туда представителей, которые будутъ для бюрократіи играть роль ширмочекъ? Неужели хотять, чтобы надъ нами нагло поглумились? А вѣдь такъ и было доселѣ. Представителямъ общественныхъ силъ, приглашаемымъ въ бюрократическія комиссіи, говорили: «Высказывайтесь, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. А мы рѣшимъ, какъ хотимъ». Даже болѣе.— Припомните комиссію Шидловскаго по рабочему вопросу. Когда Шидловскій выборнымъ рабочихъ отказалъ въ свободѣ слова и неприкосновенности личности, и они отказались войти въ его комиссію, имъ сдѣлали на паспортахъ помѣтки о политической неблагонадежности, выгнали съ заводовъ и изъ Петербурга. Тѣмъ болѣе не поцеремонятся съ нашими представителями.

Г. М. Калининъ вполне присоединяется къ мнѣнію предсѣдателя.

В. Г. Усовъ: Если правительство не знаетъ нашихъ нуждъ, а нужды другихъ гражданъ удовлетворяетъ, значить оно не соотвѣтствуетъ своему назначенію, не заботится о насъ. Если оно желаетъ нашей самодѣтельности, пусть даетъ свободу. А если оно желаетъ насъ ограничить, то пусть дѣлаетъ, что ему угодно, а намъ въ этомъ участвовать и торговаться съ нимъ нѣтъ смысла.

И. И. Захаровъ: По вопросу о выборѣ способа выраженія нашихъ желаній, т. е. послать ли нашихъ предствителей въ Игнатьевское совѣщаніе, или же ограничиться изложеніемъ на бумагѣ нашихъ пожеланій и нуждъ, не могу не высказаться рѣшительно противъ отправки нашихъ представителей въ совѣщаніе графа Игнатьева. Въ основаніе подобнаго взгляда позвольте сослаться на примѣръ обсужденія вопросовъ на только что закрывавшемся VI съѣздѣ старообрядцевъ. Не буду говорить рѣзко, но все-таки мнѣнія людей маленькихъ, особенно когда имъ не сочувствовалъ предсѣдатель, или принимались съ трудомъ, или выслушивались неохотно, или даже не допускались, во всеуслышаніе порицались. Примѣры, думаю, не нужны. Памятно всѣмъ небрежное отношеніе къ заявленіямъ членовъ съѣзда, злоупотребленіе занимаемымъ положеніемъ, когда мѣшали свободно высказаться, вслѣдствіе чего кто посильнѣе, похрабрѣе и понастойчивѣе, тому и удавалось больше сказать.

Такъ вѣдь, вѣроятно, будетъ и въ совѣщаніи Игнатьева. Люди и тамъ останутся людьми, не переродятся въ ангеловъ. Мнѣ возразятъ, неужели нельзя положиться на тѣхъ лицъ, которыхъ избралъ съѣздъ изъ числа 200 лучшихъ представителей общинъ? Но вѣдь и всѣ эти 200 выбраны общинами, какъ лучшіе, и тѣмъ не менѣе они другъ другу мѣшали, забывая о благѣ общемъ.

Что же касается ссылки одного изъ защитниковъ отправления представителей въ Игнатьевское совѣщаніе на примѣръ плодотворнаго участія нашихъ представителей въ частной комиссіи Путилова, то позвольте спросить, какое значеніе было придано этимъ старообрядцамъ? Бесѣдуя съ ними чуть ли не наканунѣ 17 апрѣля, не спросили даже ихъ мнѣнія о томъ, на примѣръ, нужно ли старообрядцамъ утвержденіе нашего духовенства правительствомъ? Слѣдовательно о правительствѣ далеко нельзя сказать, что оно дало старообрядцамъ желаемое. Говорять, что оно дало даже и то, чего не просили. Правда, но хорошо ли это не прошенное, и все ли пресамое дано? Въ подтвержденіе перваго

снова сошлюсь на вопросъ объ утвержденіи нашего клира, а въ подтвержденіе второго хотя на постановленіе объ именованіи его настоятелями, о чемъ едва ли мы просили даже когда бы то ни было, а не только на совѣщаніи у Путилова.

Г. И. Хромовъ: Я не соглашаюсь съ тѣмъ, что наши представители необходимы въ комиссіи Игнатъева потому, что они будутъ тамъ, какъ извѣстно по опыту, только раскланиваться. Приглашаются они неофициально, такъ что если что и будутъ говорить въ этой комиссіи, то келейнымъ образомъ. Это намъ едва ли поможетъ, когда извѣстно, что были приглашены представители рабочихъ въ комиссію Шидловскаго, но имъ не дали возможности отстоять свои интересы. Я соглашаюсь съ г. предсѣдателемъ, что намъ нужно изложить въ петиціи наши нужды и послать въ эту комиссію. А если наши желанія не будутъ удовлетворены, то мы въ правѣ будемъ обратиться къ содѣйствію печати. Если же наши представители будутъ въ комиссіи, то этого права мы лишимся (?).

А. Г. Спичаковъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ высказывали, что правительство не знаетъ наши нужды, не знаетъ, что нужно старообрядцамъ, какія права и какой законъ. Я, гг., противъ этого. Правительство знаетъ, что именно нужно старообрядцамъ, какія права и какой законъ. Знаетъ же правительство, чѣмъ пользуется господствующая церковь и прочіе граждане. Дай намъ правительство именно все то, чѣмъ пользуется господствующая церковь въ Россіи и другіе граждане. Но правительство не желаетъ именно намъ дать это. Причина извѣстна.—На вопросъ о томъ, гг., будутъ ли наши представители отъ VI всероссійскаго съѣзда пользоваться правомъ свободнаго слова въ совѣщаніи гр. Игнатъева по разработкѣ закона для насъ, старообрядцевъ, я долженъ сказать, что нѣтъ, и сейчасъ вамъ скажу, почему именно.—Ужъ если Сироткинъ, самъ же старообрядецъ, и въ такомъ учрежденіи, какъ всероссійскій старообрядческій съѣздъ, не допускаетъ свободно высказываться, то тѣмъ болѣе въ совѣщаніи графа Игнатъева, гдѣ засѣдаютъ бюрократы, заклятые враги старообрядцевъ, не позволяютъ свободно высказываться нашимъ представителямъ. Они тамъ будутъ только сидѣть и занимать шесть вѣнскихъ стульевъ (аплодисменты!).

Предсѣдатель: Вопросъ, гг., достаточно выяснился и позвольте его поставить на баллотировку. Кто стоитъ за посылку депутатовъ въ комиссію г. Игнатъева—сидѣть. Кто стоитъ за посылку только мотивированной петиціи—встать.

Подавляющимъ большинствомъ рѣшено, что достаточно послать только петицію.

Предсѣдатель ставитъ на баллотировку главный вопросъ программы: „Существующій государственный строй (самодержавный) обеспечиваетъ ли на будущее время права старообрядцевъ, данныя указомъ 17 апрѣля?“

Рѣшено единогласно: «не обеспечиваетъ».

Далѣе приступлено было къ обсужденію III пункта программы: „Существующій государственный строй соответствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?“, но за позднимъ временемъ предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Слѣдуютъ подписи.

Протоколъ частнаго собранія членовъ VI всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

3 засѣданіе 9 августа 1905 года.

Предсѣдатель, объявивъ засѣданіе открытымъ, предлагаетъ избрать новаго предсѣдателя.

Собраніе избираетъ прежняго—В. Е. Макарова.

Предсѣдатель предлагаетъ высказаться по вопросу, предложенному къ обсужденію на засѣданіи 7 августа, именно: «Существующій государственный строй соотвѣтствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа?»

И. А. Лукинъ: Я долженъ заявить категорически, что существующій государственный строй не соотвѣтствуетъ интересамъ и благосостоянію народа. Не ходя далеко, возьмемъ въ примѣръ нашу обыденную деревенскую жизнь и земельный вопросъ. Кому неизвѣстно, что крестьянскій земельный надѣлъ ничтоженъ. Его никоимъ образомъ не хватаетъ для того, чтобы прокормиться и жить мало-мальски сносно. Поэтому приходится брать землю у помѣщиковъ за очень высокую арендную плату. Прибавьте къ этому невыносимо—тяжелые налоги, подати и повинности, всей своей тяжестью падающія на крестьянскую массу, угнетеніе крестьянъ и опеку надъ ними со стороны администраціи и земскихъ начальниковъ, отсутствіе просвѣщенія и школъ, больницъ, дорогъ и проч., и вы увидите, что существующій государственный строй отнюдь не служитъ благосостоянію народа и ничего ему, особенно крестьянству и вообще бѣдному трудящемуся люду, не приноситъ, кромѣ вреда..

И. И. Захаровъ: Я не согласенъ съ г. Лукинымъ и думаю, что существующій государственный строй приноситъ не только вредъ, но и пользу.

И. А. Лукинъ: Позвольте—я еще не сказалъ про одно зло, приносимое народу самодержавнымъ правительствомъ. Оно забрало въ свои руки кабаки и путемъ отравленія народа спиртнымъ ядомъ собираетъ громадныя доходы. Пьянство распространяется все больше. Его усердно насаждаютъ вездѣ, устраивая винныя лавки и тамъ, гдѣ ихъ не было, и часто противъ воли обывателей.

Г. К. Перетрухинъ: Я не согласенъ съ г. Захаровымъ въ томъ, что существующій государственный строй приноситъ русскому народу и пользу, и увѣренъ, что онъ приноситъ абсолютно одинъ вредъ, куда ни посмотреть... Для чего учрежденъ институтъ земскихъ начальниковъ, какъ не для того, чтобы угнетать народъ, вмѣшиваться въ его духовную и хозяйственную жизнь, препятствовать его самодѣятельности, проявленію инициативы и здравого народнаго смысла. Народъ задыхается подъ бременемъ косвенныхъ налоговъ. А въ то же время дворяне, графы, князья, придворная челядь, вообще высшій правящій классъ, утопаютъ въ роскоши, проживаютъ громадныя деньги, безцеремонно и безконтрольно расхищаютъ казну и народный трудъ, и взамѣнъ этого на послѣдніе гроши народа преподносятъ ему казенную отраву, устроивъ повсемѣстно правильную сѣть кабаковъ. Человѣчество вездѣ и всегда, разъ оно достигало самосознанія, никогда не было довольнымъ своимъ положеніемъ, всегда стремилось къ усовершенствованію. Поэтому неоспоримо право русскаго народа—потребовать общественнаго переустройства теперь, когда онъ достаточно выросъ въ умствен-

номъ—интеллектуальномъ отношеніи. А между тѣмъ самодержавное правительство не идетъ на встрѣчу требованіямъ своего народа, угнетаетъ его, попираетъ свободу слова, печати, личности и совѣсти, и хочетъ держать народъ во тьмѣ, нуждѣ и рабствѣ. Лошади и собаки лучше воспитываются, лучше питаются, имѣютъ лучше жилище и уходъ, чѣмъ нашъ горемычный крестьянинъ и рабочій народъ. Поэтому существующій государственный строй, создающій такія условія жизни, не только не соотвѣтствуетъ интересамъ и благосостоянію народа, но прямо мерзокъ, гадокъ и отвратителенъ.

В. Г. Усовъ: Существующій государственный строй уже по тому одному негоденъ, что даетъ полный просторъ произволу и деспотизму нѣсколькихъ лицъ во вредъ всему народу, что производитъ давленіе на личность и держитъ въ тискахъ духовное и экономическое развитіе народа.

Предсѣдатель предлагаетъ заслушать его докладъ по этому вопросу.

Собраніе изъявляетъ согласіе.

Читается докладъ предсѣдателя.

Г. К. Перетрухинъ: Въ основаніяхъ и выводахъ я согласенъ съ докладомъ. Да и кто теперь не знаетъ и не чувствуетъ, что въ Россіи царитъ безправіе и произволъ? Но, по моему мнѣнію, нельзя духовенству предоставить полную свободу, сдѣлавъ его независимымъ отъ правительства, потому что тогда церковь поработитъ государство, духовенство заберетъ въ свои руки и полицію, и войско и будетъ полнымъ хозяиномъ въ странѣ, соединивъ въ своихъ рукахъ и свѣтскую, и духовную власть. Что-нибудь одно: или свободное свѣтское государство, или свободная церковь, отдѣленная отъ государства, которая будетъ стремиться къ теократіи, къ папизму и къ порабощенію государства. А вмѣстѣ эти два учрежденія ужиться не могутъ.

Предсѣдатель: Я не раздѣляю опасеній оппонента о порабощеніи государства свободной церковью, разъ принципъ отдѣленія ея отъ государства будетъ проведенъ полно и послѣдовательно. Дѣло въ томъ, что церковь будетъ совершенно свободна и независима отъ государства только въ своихъ духовныхъ дѣлахъ. Во внѣшней обыденной жизни члены ея будутъ подчиняться государству. Церковь лишена будетъ политической силы, правительственной поддержки и казенныхъ средствъ. Сферой ея вліянія останутся души и совѣсть совершенно свободныхъ гражданъ. Какъ же она сумѣетъ поработить государство, овладѣть войскомъ и полиціей, разъ ей будетъ принадлежать только духовная сила, сила слова и убѣжденія, и никакой политической власти? Да подобныя притязанія и совершенно чужды истинной церкви, если она хочетъ оставаться Христовой. Мнѣ кажется, что въ свободномъ государствѣ церковь, покусившаяся овладѣть свѣтской властью, вызвала бы къ себѣ отвращеніе и обрекла бы себя на смерть, такъ какъ ни одинъ свободный гражданинъ, вѣрующій сознательно и добровольно, а не по принужденію, ни остался бы ея членомъ.

Предсѣдатель объявляетъ перевывъ засѣданія.

По возобновленіи засѣданія продолжается обмѣнъ мнѣній по поводу прочитаннаго доклада.

И. И. Захаровъ: Мы слышали здѣсь тяжелыя и беспощадныя обвиненія русскому правительству въ томъ, что оно приноситъ народу только горе и вредъ и не соотвѣтствуетъ своему назначенію. Но правда ли это? Правда ли, что оно ничего не сдѣлало для народа? И не есть ли это просто злыя, клеветническія нападки? А кто же, скажите, какъ не оно, покрыло Русь густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ? Кто, какъ не пра-

вительство, предоставило печати такую свободу, что она получила возможность открыто обсуждать вопросы государственные и даже подвергать критикѣ дѣйствія правительственныхъ чиновъ? Кто, какъ не правительство, по всему лицу Руси великой настроило и содержитъ множество пріютовъ, больницъ, богадѣленъ? Кто же, какъ не презираемое и ненавидимое вами правительство создало великихъ русскихъ писателей (sic!), славящихся міровой извѣстностью? Кто, какъ не то же правительство, создало богатую фабрично-заводскую промышленность въ Россіи, дающую заработки милліонамъ рабочихъ? Кто же, какъ не оно, устроило густую сѣть желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ? Наконецъ, освобожденіе крестьянъ и эпоха великихъ реформъ созданы, думаемъ, не бомбами, не стачками и революціей, а опять таки доброй волей того же порицаемаго вами правительства. Кто, какъ не оно, дало Россіи судъ скорый, правый и милостивый? Кто, какъ не то же правительство, издало драгоцѣнный указъ 17 апрѣля настоящаго года о вѣротерпимости? Кто, какъ не оно, допустило устроить колокольню на старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ? При какомъ же правительствѣ на закончившемся старообрядческомъ съѣздѣ провозглашено такое равноправіе половъ, какого нѣтъ нигдѣ (!) — предоставленіе всѣмъ женщинамъ участія и избирательнаго права въ дѣлахъ приходской общины? Кто опять, какъ не оно, разбросало по лицу земли русской множество богатѣйшихъ музеевъ? Кто, какъ не то же правительство допустило то, что свободно распространяются тысячами нецензурныя книги, а старообрядческіе начетчики публично обличаютъ на бесѣдахъ неправоту представителей казенной церкви? Все это дано самодержавными русскими государями! А въ заключеніе я вамъ скажу словами кн. Голицына (Муравлина):

„Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ.

Чужого жъ строя къ намъ не приноси,

Хулителемъ безсмысленно мятежнымъ

Того, что Богъ посѣялъ на Руси! Себя въ обычай мертвый не зароемъ,

Но продавать не станемъ старины.

Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ,

Имъ дорожить, что кладомъ мы должны“.

Г. К. Перетрухинъ: Г. Захаровъ какъ будто витаетъ гдѣ-то въ воздушномъ пространствѣ, если не видя того, что его окружаетъ, онъ способенъ былъ въ своей плаксивой рѣчи читать такой длинный панегирикъ русскому самодержавно-бюрократическому правительству, которое достаточно уже понялъ и по достоинству оцѣнилъ русскій народъ. Онъ ставилъ въ заслугу правительству то, что оно якобы покрыло Россію густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ. Да гдѣ же она, эта „густая сѣть? Покажите намъ ее! Зачѣмъ говорить ложь? Если и есть у насъ кое-какія школы, то вѣдь всѣмъ извѣстно, что создало ихъ не правительство, а земство и частныя лица, т. е. тотъ же самый народъ, а правительство лишь тормозитъ на каждомъ шагу дѣло просвѣщенія народа. Г. Захаровъ, не говоря уже о всемъ прочемъ, не постѣснялся упомянуть о томъ, что правительство создало (?) великихъ русскихъ писателей. Господи, Боже мой! Серьезно это сказано или въ шутку? Вѣдь вся мыслящая Россія знаетъ, всему свѣту извѣстно, какъ „поощряетъ“ „создаетъ“ наше правительство писателей и ученыхъ! Приведенный доводъ г. Захарова заставляетъ зарыдать надъ всѣми прошлыми и настоящими мѣрами предпринятыми противъ нашихъ лучшихъ литературныхъ силъ. Достоевскій, Герценъ, Чернышевскій и Костомаровъ „поощрялись“ правительствомъ за ихъ славную работу. Указалъ г. Захаровъ и на указъ 17 апрѣля. Но что же даетъ намъ этотъ указъ? Развѣ онъ провозгласилъ свободу совѣсти? Но вѣдь если бы даже случилось и такъ, то заслуга правительства тутъ была бы не велика, такъ какъ вѣра по совѣсти — святое право человѣка, и правительство топчетъ

это право незаконно. Въ дѣйствительности же указъ этотъ, давъ намъ кое-какія льготы, установилъ для насъ новыя стѣсненія, которыя, если только послѣдовательно будутъ проведены въ жизнь, лишатъ нашу церковь свободы и самостоятельности. Да притомъ вѣдь этотъ указъ насильно вырванъ у правительства въ трудныя для него времена, и оно уже стремится данное подъ давленіемъ обстоятельствъ и политической необходимости снова урѣзать или отнять разными „циркулярами“. Такъ вотъ каковы въ дѣйствительности всѣ мнимыя заслуги нашего самодержавія, о которыхъ съ такимъ апломбомъ повѣдалъ намъ г. Захаровъ.

Н. Д. Зенинъ: Всѣ ругаютъ правительство, бюрократію, указываютъ ихъ недостатки, злоупотребленія и пороки, но сами неспособны создать ничего лучшаго и порядочнаго. Критиковать легко—создать трудно. И въ другихъ странахъ не текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Возьмите Австрію—прославленную страну свободы (?!). Она имѣетъ то, чего вы желаете и требуете для Россіи. И что же? Лучше ли тамъ живетъ народъ? Отнюдь нѣтъ! Все также съ народа дерутъ безпощадно. Въ Галиціи евреи ѣздятъ на русинахъ. Мнѣ самому пришлось проѣхать черезъ всю Австрію по желѣзной дорогѣ.—У насъ вы провезете съ собой 2 пуда багажа—слова не скажутъ, а тамъ не дадутъ провезти и полпуда; у насъ вы получаете спальное мѣсто, а тамъ и сидѣть тѣсно. И никакой контроль народный не дѣйствителенъ въ борьбѣ съ этими прелестями. Наконецъ возьмите наше земство—эту маленькую республику (?!). Здѣсь ужъ, кажется, самъ народъ вѣдаетъ свои интересы (?!), существуетъ и контроль народный (!) И что же? Земство немилосердно грабитъ мужика, а дороги никуда не годятся, нѣтъ мостовъ и больницъ. Поэтому я считаю, что никакая конституція, никакой строй не поможетъ намъ, пока мы сами будемъ слишкомъ дурными и порочными людьми. Исправьте сначала себя!

Ө. Е. Мельниковъ: Правительство сдѣлало очень много зла, но и самъ народъ, своимъ пьянствомъ, развратомъ, продажностью, корыстолюбіемъ, жестокостью и эгоизмомъ, сдѣлалъ его не меньше.

Предсѣдатель: Позвольте, гг., сдѣлать маленькую отповѣдь на замѣчанія и положенія моихъ оппонентовъ, высказанныя по поводу моего доклада. Г. Захаровъ указывалъ на многія, по его мнѣнію, заслуги предъ русскимъ народомъ царскаго самодержавія, которое есть, въ сущности, самодержавіе бюрократіи, да инымъ и не можетъ быть. Но всѣ эти восхваленія, заставляющія насъ сдѣлать маленькую экскурсію въ область тѣхъ родовъ творчества бюрократіи, на которые указалъ оппонентъ, приводятъ насъ къ выводамъ какъ разъ противоположнымъ и еще болѣе безотраднымъ и неслестнымъ для нашего самодержавно-бюрократическаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, оппонентъ говоритъ, что правительство покрыло Россію густой сѣтью учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ. И это говоритъ сынъ той страны, которая едва насчитываетъ у себя грамотныхъ 20 человѣкъ на 100, которая въ этомъ отношеніи отстала даже отъ такихъ государствъ, какъ Болгарія и Сербія, вѣка изнывавшія въ турецкой неволѣ, но недавно вырвавшіяся изъ подъ варварскаго гнета поработителей и не знающія прелестей самодержавнаго режима. Это говоритъ старообрядецъ, обновѣрцамъ котораго не даютъ строить школъ, держа ихъ во тьмѣ! «Густая сѣть высшихъ учебныхъ заведеній». Какой горькой ироніей звучатъ эти слова. На 140000000 жителей 9 университетовъ, и это „густая сѣть“! А извѣстно ли вамъ, что С.-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ 629 университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній? Развѣ вы не знаете, что самодержавная клика сознательно держитъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ, которая служатъ главной опорой варварскаго деспотическаго режима, что оно

сознательно задерживаетъ культурный ростъ страны и держитъ въ тискахъ развитіе интеллигентной мысли? Враждебное отношеніе правительства къ распространенію просвѣщенія выражается въ общей и спеціальной цензурѣ, въ крайне одностороннемъ подборѣ профессоровъ и учителей, въ препятствіяхъ, ставимыхъ частной и общественной просвѣтительной дѣятельности, школьному и внѣшкольному просвѣщенію. Эту неблагоприятную задачу, какъ это ни странно, исполняютъ „министерство народнаго просвѣщенія“, которое по справедливости должно назвать „министерствомъ народнаго затемненія“, и состоящій при немъ т. н. „ученый комитетъ“. Если бы, проснувшись завтра, мы узнали, что, по какому-то чуду, эти два учрежденія, какъ и большинство остальныхъ нынѣшнихъ министерствъ, исчезли съ лица земли, то право, кромѣ пользы, русскій народъ ничего отъ этого не получилъ бы. Фамусовскія традиціи съ девизомъ: „Ученье вотъ чума!“ нигдѣ, кажется, не свили себѣ такого прочнаго гнѣзда, какъ въ этихъ ультра—бюрократическихъ гнѣздахъ—разсадникахъ тьмы. Въ самомъ дѣлѣ, народъ жадно стремится изъ мрака къ свѣту, ищетъ знаній, духовной пищи, а ему вмѣсто хлѣба предподносятся камень и казенный алкоголь. Доступъ въ народъ хорошей книги загороженъ, и народу дозволяется читать только „Бову—королевича“, „Бруслана Лазаревича“ прочную и подобную дрянь. Для этого существуетъ каталогъ книгъ, допущенныхъ „ученымъ комитетомъ“ въ народныя бібліотеки и читальни. О строгости русской цензуры и говорить не приходится—она стала притчей во языцѣхъ. Но и изъ разрѣшенныхъ цензурой книгъ допущены „ученымъ (?) комитетомъ“ только дѣтскія и пустыя, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу. Нужно въ совершенствѣ постигнуть анти-министерскую алхимию этого каталога, чтобы изъ бочки дегтя извлечь хотя одну каплю меда. Положеніе непосредственныхъ просвѣтителей народа поистинѣ трагическое. Вы не можете представить, какъ тяжело имъ работать, въ какихъ они находятся ненормальныхъ условіяхъ, какъ подавляется властной рукой всякая инициатива, вслѣдствіе чего просвѣтитель народа обращается въ жалкую маріонетку. Поистинѣ—это прикованный Прометей! И въ результатъ такой политики въ области просвѣщенія наше полное банкротство умственное, нравственное и экономическое. Наша война съ Японіей служитъ яркимъ доказательствомъ того, къ чему привела Россію политика тьмы. Приходится повторять старую истину—„школьный учитель побѣдилъ“. Тамъ нѣтъ такихъ стѣсненій, тамъ образованіе и просвѣщеніе народа не сковано цѣпями вандаловъ. И благодаря этому въ 35 лѣтъ дикая варварская страна, въ которой не было ни газетъ, ни журналовъ, не было великихъ писателей, какъ Гоголь, Пушкинъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Л. Толстой, превратилась въ культурную страну, опередила насъ и, такая маленькая, побѣдила великую страну, пользующуюся всеми прелестями самодержавнаго режима. Вотъ что значитъ выпустить народъ на свободу, дать ему свѣтъ и науку, вотъ что значитъ дѣйствительно „покрыть страну густой сѣтью учебныхъ заведеній“, чего намъ пока приходится только желать. Далѣе оппонентъ сказалъ, что самодержавное правительство предоставило русской печати такую свободу, что она получила возможность свободно обсуждать государственные вопросы и подвергать критикѣ дѣйствія правительства. Но какова же, посмотримъ, эта хваленая свобода печати? А вотъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, за статью, по его мнѣнію, недопустимую, можетъ прикрыть газету на 3 мѣсяца, или запретить ея розничную продажу, или запретить печатаніе въ ней объявленій, а цензоръ можетъ любой номеръ газеты задержать и не дать выпустить въ свѣтъ. Это для изданій безъ предварительной цензуры.

А о цензурныхъ изданіяхъ и говорить нечего. Тамъ красный карандашъ цензора производитъ страшныя опустошенія, такъ что часто газета выходитъ въ буквальномъ смыслѣ слова плѣшивой; текстъ чередуется съ громадными пустыми мѣстами. Да если бы русскій народъ на самомъ дѣлѣ пользовался благами свободной печати, то совершенно незачѣмъ было бы издавать за границей разныя газеты и журналы, какъ „Колоколъ“, „Слово Правды“, „Освобожденіе“, „Искра“, „Революціонная Россія“ и т. д. Какой „свободой“ пользуется у насъ правдивое слово, устное и печатное, — мы чуть не каждый день имѣемъ несчастіе слышать или наблюдать, и ужъ лучше бы оппоненту совсѣмъ о ней не говорить. Онъ упомянулъ и о томъ, что правительство наше настроило и содержитъ множество пріютовъ, больницъ и богадѣленъ. Но какая это ложь! Всѣ почти пріюты и ясли созданы земствами, городами, различными обществами и частными лицами, но никакъ не правительствомъ, которое не отпускаетъ на нихъ ни копѣйки. Покажите намъ, гдѣ правительственныя больницы? Всѣ онѣ земскія, городскія и частныя, и правительство на нихъ отпускаетъ столько же, сколько и на пріюты. Богадѣлень правительство устроило не больше и отпускаетъ на нихъ средствъ ровно столько же, сколько на пріюты и на больницы. Оппонентъ не обошелъ скромнымъ молчаніемъ и того, что будто бы нагаечное самодержавіе „создало великихъ русскихъ писателей (sic!), пользующихся міровой извѣстностью“. Подобное утвержденіе оппонента наводитъ насъ на большое сомнѣніе въ его знакомствѣ съ біографіями нашихъ великихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, кто же заставилъ скитаться по Россіи и довелъ до смерти на дуэли Пушкина и Лермонтова, какъ не это варварское правительство съ его самодержавнымъ режимомъ и порождаемыми имъ традиціями и общественной обстановкой? Кто, какъ не оно, экспатріировало Герцена и Тургенева? Кто, какъ не оно, сослало въ каторгу Достоевскаго? Кто засыпалъ въ сѣвгахъ сибирской тундры Чернышевскаго? Кто, какъ не то же самодержавное правительство, покушалось уморить въ монастырскомъ казематѣ Суздальской крѣпости Л. Н. Толстого? И кто, какъ не оно, исключило изъ членовъ академіи наукъ и продержало нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ М. Горькаго? Да и вообще жизнь всѣхъ русскихъ писателей — сплошной мартирологъ. Оппонентъ повѣдалъ еще, что самодержавіе создало богатую фабрично-заводскую промышленность въ Россіи, дающую народу заработки, покрыло страну густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ. Хотя наша индустрія не такъ ужъ богата, сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфа не такъ ужъ густа, какъ увѣряетъ оппонентъ, а масса желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ построены на частныя средства, и хотя все это никакъ не можетъ итти даже въ сравненіе съ западомъ, но я не буду спорить, а только спрошу оппонента: на чьи средства и чьимъ трудомъ все это создано, и чья, слѣдовательно, здѣсь главная заслуга, и кто, какъ не то же правительство, своей политикой въ области финансовъ и промышленности, довело до нищеты народъ, который выносить на своихъ плечахъ и содержитъ почти цѣликомъ на свои средства эту самую промышленность. Оппонентъ старался увѣрить насъ, что и освобожденіе крестьянъ, и эпоха великихъ реформъ явились не вслѣдствіе бомбъ, стачекъ и революціи, а даны по доброй волѣ самодержавнаго правительства. Но этого не скажетъ тотъ, кто хоть не много знаетъ исторію. Освобожденіе крестьянъ явилось слѣдствіемъ разгромленія нашего въ севастиопольскую кампанію; оно было произведено не по доброй волѣ, а въ силу необходимости и экономическихъ причинъ, о чемъ открыто заявлялъ самъ Александръ II. Въ собраніи московскихъ дворянъ,

ярныхъ крѣпостниковъ, не хотѣвшихъ ничего вокругъ видѣть и понимать, онъ сказалъ относительно освобожденія приблизительно слѣдующее: „Господа! И мнѣ дороги интересы дворянства, ибо я первый среди васъ дворянинъ. Но лучше сдѣлать освобожденіе сверху, чѣмъ оно само сдѣлается снизу. Если сдѣлаемъ сверху, то во-первыхъ заслужимъ и благодарность, и себѣ кое-что выговоримъ, сдѣлаемъ такъ, какъ удобнѣе и выгоднѣе намъ. А если оно само сдѣлается снизу, противъ нашего желанія, то намъ ничего не останется“. И на самомъ дѣлѣ, тогда уже начались по Россіи въ разныхъ мѣстахъ громадныя волненія крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя показали, что пришелъ крѣпостному праву конецъ. О данномъ русскому народу самодержавнымъ правительствомъ „судъ скоромъ, правомъ и милостивомъ“ лучше бы ужъ не упоминать. Его „скорость“ вошла въ поговорку. Благодаря этой „скорости“ морятъ людей до суда по 2 года и болѣе въ тюрьмѣ, и таскаютъ по судамъ лѣтъ по 5. А справедливость суда и его милостивость заключаются развѣ только въ томъ, что голоднаго бѣдняка, укравшаго изъ подъ замка рубль, онъ приговариваетъ къ арестанскимъ ротамъ, за правду, за мнѣнія и взгляды моритъ цѣлые годы и десятки лѣтъ въ крѣпостяхъ, ссылаетъ въ пожизненную каторгу и приговариваетъ къ смерти, въ то время, какъ высокопоставленные, титулованные и чиновные мерзавцы безнаказанно и свободно расхищаютъ и грабятъ народное достояніе. Сказалъ оппонентъ и объ указѣ 17 апрѣля, которымъ самодержавіе признало нѣкоторыя религіозныя права за старообрядчествомъ. Но развѣ можно ставить въ заслугу правительству то, если, послѣ цѣлыхъ вѣковъ попраіія неотъемлемаго права человѣка — вѣровать по совѣсти, оно наконецъ признало это право съ большими оговорками, подобно грабителю, который возвращаетъ ограбленному его имущество? Правительство еще недавно заявляло, что никогда старообрядцы не получаютъжелаемаго; а вѣдь просили даже меньше того, что дано указомъ 17 апрѣля. Оно грозило отнять и то, чѣмъ уже пользовались. Царь, подписавшій указъ 17 апрѣля, на многократныя просьбы о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища въ Москвѣ и о возвращеніи въ Москву высланнаго оттуда архіепископа Іоанна отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Это показываетъ, что указъ 17 апрѣля, вырванный у правительства въ трудныя для него времена, данъ намъ не по личнымъ побужденіямъ кого либо, что его дало народное освободительное движеніе, что насъ вынесъ на своихъ илечахъ рабочій народъ. То же, конечно, нужно сказать и объ устройствѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и въ другихъ мѣстахъ колоколенъ. Правительство жестоко пскарало бы это „беззаконіе“, по не въ силахъ этого сдѣлать, и по необходимости смотритъ на это сквозь пальцевъ. Это видно изъ того, что 2 года назадъ Штюрмеръ, ближайшій сподвижникъ министра Плеве, самоувѣренно заявлялъ, что никогда „австрійскій попъ не будетъ служить въ алтаряхъ Рогожскаго кладбища“, что „скорѣе Волга потечетъ вверхъ, чѣмъ правительство допустить это“. Оппонентъ поставилъ въ заслугу правительству и то, что на VI всероссійскомъ съѣздѣ старообрядцевъ признано такое равноправіе половъ, какого пока нигдѣ будто нѣтъ. Но я никакъ не могу додуматься, какъ можно это доброе дѣло съѣзда поставить въ заслугу правительству, которое, вопреки требованіямъ справедливости и громкимъ заявленіямъ русскаго общества, ставитъ женщину въ своемъ законодательствѣ въ одну рубрику съ несовершеннолѣтними и уголовными преступниками. По заявленію оппонента правительство устроило множество музеевъ. Но гдѣ же это „множество?“ — Укажите хотя десять музеевъ, созданныхъ не на частныя средства. Оппонентъ поставилъ въ заслугу самодержавію и то, что

оно допускаетъ свободное распространеніе не цензурныхъ книгъ и изданій, напримѣръ старообрядцами, и что у него на глазахъ старообрядческіе начетчики открыто обличаютъ государственную церковь и ея наемныхъ представителей. Но вѣдь при всемъ желаніи правительство и не можетъ ничего съ этимъ подѣлать. Жизнь переросла узкія рамки „закона“, въ которыя ее насильно втискали, она бьетъ ключемъ и властно отвоевываетъ свои права; никакая сила въ мірѣ не можетъ остановить хода жизни. До самаго послѣдняго времени это хваленое правительство, пока перевѣсъ силъ былъ на его сторонѣ, и начетчиковъ, и ихъ литературную дѣятельность яростно преслѣдовало. Кто изъ видныхъ начетчиковъ не посидѣлъ въ тюрьмѣ и даже заточеніи, кого не мучили судебной волокитой? Даже черезъ нѣсколько дней послѣ указа 17 апрѣля полиція и мисіонеры ограбили Егорьевскихъ старообрядцевъ, отобравъ у нихъ собственныя бібліотеки. Вотъ и всѣ мнимыя заслуги самодержавія предъ Россіей, на которыя указалъ оппонентъ. Что касается приведенныхъ имъ бездарныхъ стиховъ бездарнѣйшаго стихоплета (Муравлива), то ихъ и разбирать не стоитъ, такъ какъ они полны внутреннихъ противорѣчій и сами себя взаимно уничтожаютъ. Какъ вы видите, гг., оппонентъ не могъ ослабить ни одного положенія въ моемъ докладѣ.

Я перехожу къ замѣчаніямъ г. Зенина. Онъ говорилъ, что теперь всѣ только разрушаютъ, но лучшаго ничего создать не въ состояніи. Если это относится къ русскому народу, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, то говорить такъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно и преждевременно. Разбейте сначала его кандалы, выпустите его на свободу и дайте ему возможность приступить къ созидательной работѣ; тогда только вы будете имѣть право оцѣнивать народъ по результатамъ его творчества. А сейчасъ за него и отъ его имени говорить и дѣйствуетъ кучка узурпаторовъ и непрошенныхъ радѣтелей, по работѣ которыхъ нельзя судить о русскомъ народѣ. Оппонентъ указываетъ на „Австрію, прославленную страну свободы“ (?), имѣющую конституціонный строй, гдѣ народъ, по его словамъ, живетъ нисколько не лучше нашего. Но, во первыхъ, кто же считаетъ Австрію образцовымъ государствомъ и „прославленной страной свободы?“ Вѣдь всѣмъ извѣстно, что Австрія занимаетъ, по своему государственному строю, одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ среди европейскихъ государствъ, такъ какъ тамъ нѣтъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, и, значитъ, народная масса устранена отъ государственной работы, а заправляютъ дѣлами классъ дворянъ, поповъ и богачей. А во-вторыхъ, развѣ кто говоритъ, что одно слово „конституція“ сразу сдѣлаетъ въ Россіи рай? И развѣ кто-нибудь видитъ въ парламентаризмѣ панацею отъ всѣхъ бѣдствій, золь и несчастій? Конституція только уничтожитъ остатки крѣпостныхъ отношеній, развяжетъ народу руки, дастъ ему возможность свободно, безъ тормазовъ, развиваться и бороться за свое счастье и лучшее будущее, дастъ возможность безъ помѣхи использовать всѣ свои духовныя и матеріальныя силы и способности. Эту борьбу мы и видимъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Успѣхи, конечно, неодинаковы, но тѣмъ не менѣе постепенно, съ желѣзной необходимостью, борьба эта направляется къ духовному раскрѣпощенію и матеріальному освобожденію всего трудящагося люда. Во всякомъ случаѣ, въ Австріи народъ, если взять его жизнь въ цѣломъ, живетъ хотя и незavidно, но все-таки лучше нашего и несравненно лучше того, чѣмъ онъ жилъ до 1848 года, при своихъ самодержцахъ. По мнѣнію оппонента, очевидно, нужно сидѣть, сложа руки, и, не надѣясь устроить жизнь лучше, терять, какъ кучка людей безбожно расхищаетъ народное достояніе и топчетъ права народа: свободу со-

вѣсти, устнаго и печатнаго слова и личности, потому что въ Австріи, напримеръ, люди и при конституціи еще не добились того, чего желаютъ. Но тамъ многого люди уже и добились. Тамъ предоставлена каждому человѣку возможность безъ помѣхи развить свои способности и пользоваться всѣми своими силами; тамъ всякій можетъ вѣрить, какъ ему угодно, говорить и писать, что и гдѣ угодно, соединяться съ другими въ какіе угодно союзы; тамъ предъ закономъ всѣ равны, всѣ поставлены на одну доску — и придворный, и министръ, и богачъ, и послѣдній бѣднякъ, а главное — тамъ самъ народъ, хотя въ Австріи и не весь, опять таки по ухищреніямъ своего правительства, вершить, въ лицѣ выборныхъ, свою судьбу, издаеть законы, назначаетъ налоги, разрѣшаетъ правительству производить расходы и учитаетъ правительство. А если тамъ не даютъ воровать — возить по желѣзнымъ дорогамъ бесплатно цѣлые тюки багажа, то за это можно только похвалить, потому что люди строго дорожатъ законностью, не нарушая, какъ у насъ, правилъ, обязательныхъ для всѣхъ безъ исключенія. Вѣдь если у насъ возятъ пуды багажа бесплатно, контрабандой, то во всякомъ случаѣ это отзывается на карманѣ народа, на средства котораго содержатся казенныя желѣзныя дороги. Указалъ оппонентъ и на наше земство, гдѣ будто бы самъ народъ вѣдаетъ свои интересы, гдѣ будто бы есть и контроль народный. Но, во-первыхъ, изъ чего вы заключили, что въ земствѣ самъ народъ вершить дѣла и производить контроль? Развѣ вы не знаете, что, по положенію 1890 года, гласныхъ въ земство могутъ выбирать почти исключительно дворяне, да и то владѣющіе нѣсколькими сотнями десятинъ земли? Гдѣ же тутъ народъ? Но и такое куцое земство кое-что сдѣлало для народа, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ самодержавное правительство. Оно дало народу грамоту (до него народныхъ школъ не было), дало ему медицинскую помощь и дороги. И если дѣятельность земства пока слаба, если школъ во многихъ мѣстахъ не хватаетъ, если земская медицина пока малодоступна массѣ и представляетъ каплю въ морѣ народныхъ страданій, если дороги заставляютъ желать очень многого, то это во-первыхъ потому, что нѣтъ въ земствѣ народнаго контроля, такъ какъ народъ отстраненъ отъ земскаго дѣла, а во-вторыхъ и потому, что у земства не хватаетъ средствъ удовлетворить бездну народной нужды и горя, такъ какъ народъ обезсиленъ, съ него земству и брать нечего, а правительство тормозитъ дѣятельность земства на пользу народа, само же, ежегодно выкачивая, какъ насосомъ, изъ народнаго кармана 2,000,000,000 рублей, тратитъ ихъ, Богъ вѣсть куда, или распредѣляетъ по своимъ карманамъ, не давая на мѣстныя нужды ни гроша. Оппонентъ говоритъ: „Земства грабятъ“. Но по статистическимъ даннымъ всѣ русскія земства собираютъ съ народа въ годъ около 200,000,000 рублей и какъ-никакъ расходуютъ ихъ на мѣстныя нужды, иногда, конечно, и не безъ злоупотребленій. Но укажите, какія мѣстныя нужды удовлетворяетъ и сколько ежегодно отпускаетъ на это средствъ правительство, которое ежегодно сдираетъ съ народа въ 10 разъ больше земства? Оппонентъ въ заключеніе думаетъ, что никакая конституція, никакой строй не принесутъ намъ пользы, пока мы сами не исправимся. Что сказать на это? Несомнѣнно, конечно, что личныя качества индивидуумовъ въ известной степени вліяютъ и на общій складъ общественной жизни. Но строить обновленіе общественной жизни исключительно путемъ усовершенствованія отдѣльных личностей — значитъ откладывать дѣло въ безконечно долгій ящикъ. Вѣдь несомнѣнно, что каждая личность создается такой, какой она есть, благодаря известнымъ экономическимъ и общественнымъ условіямъ, средѣ, обстановкѣ и

воспитанію. Значить, безъ наличности извѣстнаго общественнаго строя, извѣстныхъ условій и обстановки, и отдѣльныя личности, и все общество не могутъ совершенствоваться, не могутъ слѣдаться не такимъ, каковы они есть; — каждаго человѣка отъ рожденія гнетъ какая-то посторонняя сила по извѣстному желательному ей шаблону, а созданная общественными условіями среда и обстановка коверкаетъ, уродуетъ и развращаетъ его. Для того, чтобы народная нравственность росла, необходимо народу дать знанія и просвѣщеніе, необходимо дать выходъ его духовнымъ стремленіямъ и интересамъ; а развѣ это возможно безъ наличности политической свободы? *Г. Е. Мельниковъ* тоже почему то распинается за правительство, стараясь обвѣлить его, хотя изъ всѣхъ присутствующихъ никто, сколько мнѣ извѣстно, не потерпѣлъ отъ этого правительства столько, сколько онъ самъ. Онъ хочетъ увѣрить, что правительство принесло народу не больше зла, чѣмъ самъ себѣ народъ, что народъ развратенъ, продаженъ, корыстолюбивъ, жестокъ, эгоистиченъ и погрязъ въ пьянствѣ. Но вѣдь, во первыхъ, въ мірѣ все имѣетъ свою причину, а во-вторыхъ не во всѣхъ странахъ и не въ одинаковой мѣрѣ пьянство, развратъ, проституція и жестокость развиты. Чѣмъ народъ просвѣщеннѣе и трудолюбивнѣе, тѣмъ меньше преданъ такимъ порокамъ. Это показываетъ, что причины этихъ пороковъ лежатъ не въ самихъ людяхъ, а внѣ ихъ — въ исторіи народа, въ его невѣжествѣ, въ общественныхъ условіяхъ, въ социальныхъ и экономическихъ факторахъ, которые въ свою очередь тѣсно связаны съ политическимъ строемъ. Укорять народъ въ пьянствѣ непослѣдовательно людямъ, обвѣляющимъ самодержавное правительство, которое прямо заинтересовано въ распространеніи пьянства, получая отъ торговли алкоголемъ львиную долю государственныхъ доходовъ. Сторонникамъ самодержавія не къ лицу укорять народъ и въ жестокости и эгоизмѣ, потому что правительство само культивируетъ жестокость и эгоизмъ, сохраняя, вопреки народной волѣ и сознанію, смертную казнь и чуть не молясь на казацкія пули, нагайки и пулеметы, сѣя шовинизмъ и раздувая, въ своихъ интересахъ, чувство націонализма въ самой узкой и грубой его формѣ. А о продажности и корыстолюбіи лучше ужъ совсѣмъ не упоминать. Въ какой степени надѣлена этими качествами наша самодержавная бюрократія — достаточно показала война съ Японіей. Вотъ, гг., и всѣ замѣчанія по поводу моего доклада. Если еще никто не желаетъ высказаться, то позвольте считать вопросъ исчерпаннымъ и поставить его на баллотировку.

Собраніе признаетъ вопросъ исчерпаннымъ.

Предсѣдатель: „Существующій государственный строй соотвѣтствуетъ ли интересамъ и благосостоянію народа“.

Вопросъ рѣшенъ подавляющимъ большинствомъ отрицательно.

Предсѣдатель: На очереди слѣдующій вопросъ программы: „Нужно ли народное представительство?“

Вопросъ рѣшенъ единогласно въ положительномъ смыслѣ.

Предсѣдатель: На очереди слѣдующій вопросъ: „Народное представительство рѣшающій или совѣщательный должно имѣть голосъ?“. Рѣшающій голосъ“ народное представительство имѣетъ тогда, когда всякое его постановленіе, принятое большинствомъ голосовъ, верховная власть должна утвердить, и оно становится закономъ; при такомъ порядкѣ министры и администрація представляютъ собой только исполнительную власть, подконтрольную народнымъ представителямъ. „Совѣщательный голосъ“ палата народныхъ представителей

имѣть тогда, когда спрашиваютъ только ея мнѣніе, съ которымъ вовсе не обязаны считаться, т. е. могутъ принять или не принять, такъ напримѣръ, если изъ 500 представителей 499 выскажутся противъ и 1 за, то правительство имѣетъ право сдѣлать и такъ, какъ желаетъ одинъ, а равно можетъ сдѣлать и безъ заключенія народныхъ представителей, проведя вопросъ лишь черезъ Государственный Совѣтъ, состоящій изъ отставныхъ чиновниковъ, нѣмъ не избранныхъ, а назначенныхъ верховной властью Предлагаю желающимъ высказаться по этому вопросу.

Ө. Е. Мельниковъ: При конституціонномъ строѣ съ рѣшающимъ голосомъ народнаго представительства необходимо образуются различныя партіи, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу и которая беретъ верхъ, та и заправляетъ всевластно судьбой народа. Въ нашихъ засѣданіяхъ выяснилось, что для благосостоянія необходимо просвѣщеніе, сытость, вообще экономическое благосостояніе. Но и въ конституціонныхъ государствахъ этого нѣтъ. Я самъ это видѣлъ, напримѣръ въ Румыніи, гдѣ все также богачи эксплуатируютъ народную массу и заправляютъ всѣмъ государствомъ. И не все ли равно, поэтому, народу—горемыкѣ, кто его дѣлаетъ несчастнымъ, кто имъ помыкаетъ и заставляетъ терпѣть голодь и несчастія,—одно или нѣсколько лицъ, или цѣлая партія, часто совершенно случайно берущая верхъ на выборахъ и, во всякомъ случаѣ, не представляющая собою выраженія мнѣній всего народа?

Предсѣдатель: Бояться того, что образуются партіи—нечего. Все равно и теперь во всякомъ дѣлѣ партіи есть, но только онѣ не выступаютъ открыто, а дѣйствуютъ закулисными средствами, въ потемкахъ. А тогда онѣ выступаютъ открыто и будутъ дѣйствовать при свѣтѣ гласности, на виду у всего народа; въ этомъ громадная разница. Тогда всякій по совѣсти, открыто и свободно можетъ примкнуть къ той партіи, которая соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ. И если при такомъ положеніи дѣла народъ будетъ выбирать людей той партіи, которая вредитъ народнымъ интересамъ, то это покажетъ, что народъ еще темень, не можетъ пока разобратся, но что съ развитіемъ просвѣщенія онъ пойметъ все и не выберетъ уже своихъ враговъ, которые лишь на словахъ выдаютъ себя за друзей народа. А то, что партіи ведутъ борьбу между собою, неизбѣжно, потому что сама жизнь есть вѣчная борьба, совершающаяся по известнымъ историческимъ и экономическимъ законамъ. Окните взглядомъ чело-вѣческую исторію отъ вѣка и до нынѣ, взгляните кругомъ себя, вездѣ борьба, безъ которой развитіе чело-вѣчества остановилось бы. Сколько бы ни указывали недостатковъ въ управленіи конституціонныхъ государствъ—все это показываетъ только то, что народъ еще не умѣетъ вполне пользоваться своими правами, что въ немъ еще слабо развито классовое самосознаніе, что онъ, благодаря тому, что не успѣлъ достаточно развиться и вырваться изъ тьмы, въ которой его намѣренно держали, плохо еще разбирается въ людяхъ и взглядахъ, если избираетъ такихъ представителей, которые отстаиваютъ не народные интересы, а интересы кучки богачей и привилегированныхъ сословій. Значитъ всѣ дефекты въ управленіи западно-европейскихъ государствъ нельзя ставить въ вину парламентаризму, а нужно ставить на счетъ недоразвитости, а иногда равнодушія и апатіи народныхъ массъ, въ чемъ виноваты опять таки правительства, долго державшія народъ во тьмѣ и невѣжествѣ.

І. К. Перетрухинъ: Я стою за полноправное народное представительство, съ рѣшающимъ голосомъ, потому что незачѣмъ и созывать народныхъ

представителей, если самодержавное правительство оставляет за собой право, пользуясь грубой физической силой, поступать по своему усмотрѣнію, не обращать вниманія на рѣшенія народного представительства. Напримѣръ, народные представители рѣшаютъ, что необходимо для народного блага дать свободу совѣсти, личности, собраній и союзовъ, необходимо обезпечить трудящуюся крестьянскую массу такимъ количествомъ земли, сколько способенъ каждый обработать своимъ личнымъ трудомъ, необходимо сложить съ народа лишніе тягостные налоги, необходимо облегчить трудъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, а самодержавное правительство можетъ не согласиться съ этимъ, и совѣщательное народное представительство ничего не сможетъ съ этимъ подѣлать, такъ какъ его дѣло не законы прописывать, а только „высказать свое мнѣніе“.

Собраніе поручило протоколъ III засѣданія подписать предсѣдателю.

Хотя вопросъ о характерѣ народного представительства остался не рѣшеннымъ, но за позднимъ временемъ рѣшеніе его отложено до IV засѣданія, и третье засѣданіе объявлено закрытымъ. Слѣдуетъ подписать предсѣдателя.

Протсколъ частнаго собранія членовъ VI всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ въ Н.-Новгородѣ.

4 засѣданіе 10 августа 1905 года.

Предсѣдатель В. Е. Макаровъ объявляетъ 4 засѣданіе открытымъ и предлагаетъ избрать новаго предсѣдателя.

Собраніе избираетъ прежняго предсѣдателя.

Предсѣдатель, возвращаясь къ неоконченному въ 3 въ засѣданіи вопросу о рѣшающемъ или совѣщательномъ характерѣ народного представительства, предлагаетъ по этому вопросу выслушать изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ заявленіе 13 выборныхъ московскаго биржевого общества.

По прочтеніи заявленія, предсѣдатель ставитъ на баллотировку вопросъ: „Народное представительство рѣшающій или совѣщательный должно имѣть голосъ?“

Собраніе, большинствомъ противъ одного, признаетъ: „Рѣшающій“.

Предсѣдатель ставитъ на обсужденіе послѣдній вопросъ, подлежащій рѣшенію собранія: „Какая должна быть система выборовъ въ народные представители?“ и для удобства предлагаетъ разбить его на нѣсколько частныхъ вопросовъ.

Собраніе соглашается.

Предсѣдатель предлагаетъ рѣшить: „Должны ли выборы быть по словіямъ?“

Рѣшено: „Не должны“.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ: „Должно ли ограничивать достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія избирателей и избираемыхъ имущественнымъ или образовательнымъ цензомъ?“

Рѣшено единогласно: „Не должно“.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ: «Должно ли ограничивать избирателей и избираемыхъ цензомъ осѣдлости, т. е. требованіемъ прожить до выборовъ определенное время въ данномъ мѣстѣ?»

Рѣшено: „Не должно“.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ: „Слѣдуетъ ли предоставить женщинамъ право избирать и быть избираемыми“?

Рѣшено: „Слѣдуетъ“.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ: Прямые должны быть выборы или двух-степенные“?

Рѣшено: „Прямые“.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ: „Какая должна быть на выборахъ подача голосовъ—открытая, или закрытая—тайная“?

Рѣшено: „Тайная“.

Предсѣдатель объявляетъ, что программа собранія исчерпана, и поэтому собраніе закрывается.

Предсѣдателю поручено собраніемъ подписать протоколы 3-го и 4-го засѣданія. Слѣдуетъ подпись предсѣдателя.

(Продолженіе слѣдуетъ).



же г. Свѣшниковъ, какъ хорошіе люди поступаютъ. Видно не перевелись у насъ еще Тяты Титычи!

Къ характеристикѣ этого г. Свѣшникова не лишнимъ считаемъ сообщить, что будучи главнымъ попечителемъ и самымъ малымъ жертвователемъ казанскаго храма, онъ единственно изъ своего самодурства и своему „ндраву не преятствуй“, все время тормозилъ переведенію церкви изъ плохого небольшого помѣщенія въ д. Карповой въ болѣе просторное и удобное помѣщеніе въ д. Новиковой. И почему это общественники выбираютъ подобныхъ попечителей, а не замѣняютъ ихъ болѣе лучшими людьми, которые въ Казани еще, слава Богу, не перевелись, какъ напримѣръ, Х. Г. Шорниковъ, Четверговъ (младшій) и др.

Протоколы частнаго собранія старообрядцевъ послѣ VI Всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ 2—5 августа 1905 г. въ Н.-Новгородѣ.

(Окончаніе¹).

Приложенія.

I.

„Вѣротерпимость“ по закону 17 апрѣля 1905 года.

Указъ 17 апрѣля настолько ясно опредѣлялъ начала вѣротерпимости, что, казалось, никакимъ ограничительнымъ толкованіямъ онъ подлежать не могъ. Создалась иллюзія, что вотъ и въ Россіи, наконецъ признана свобода совѣсти. Но радость была, какъ и слѣдовало ожидать, недолговѣчна. Административная практика кромсая, въ видѣ „циркуляровъ и разъясненій“, немедленно же начала свое дѣло. И радужныя грезы оптимистовъ были безжалостно разбиты. Прежде всего старообрядцамъ дали понять, что „дарованныя“ имъ „льготы“ и „милости“—это только средство понудить ихъ признать свои „вѣковыя заблужденія“ и что старообрядцы въ концѣ концовъ должны присоединиться къ „истинной господствующей церкви“... Затѣмъ былъ изданъ циркуляръ, требующій для перехода изъ казенной церкви въ другую вѣру особаго изслѣдованія каждаго случая губернаторомъ, увѣщанія духовной власти и согласія губернатора... Варшавскій генераль-губернаторъ взялъ на себя трудъ разъяснить истинный смыслъ указа 17 апрѣля. Онъ напомнилъ жителямъ ввѣреннаго ему края, что только православная церковь пользуется правомъ свободно распространять свое ученіе. „Лицамъ же прочихъ исповѣданій воспрещается склонять къ переходу

¹) Начало см. въ № 6, стр. 694—717.

кого бы то ни было въ ихъ религію. Виновные въ совращеніи изъ православія... подлежатъ суду по общимъ уголовнымъ законамъ"... Выборъ религіи, такимъ образомъ, опредѣляется не свободной совѣстью человѣка, а произволеніемъ губернатора. Все остается по старому, по прежнему... Съ одной стороны, какъ будто и есть свобода совѣсти (на бумагѣ), а съ другой, извольте сообразоваться съ циркулярами и волею и личными взглядами губернаторовъ... Все это показываетъ, что при самодержавіи иначе и не можетъ быть, и что только при полноправномъ всенародномъ представительствѣ возможна полная свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. А русская вѣротерпимость даже по указу 17 апрѣля, если бы онъ и не былъ искаженъ и сведенъ къ нулю „разъясненіями“ и „циркулярами“, далеко не является свободой совѣсти въ полномъ смыслѣ этого слова. Тотъ указъ далеко не предоставляетъ каждому возможности вѣрить въ то, во что онъ хочетъ, или даже не вѣрить ни во что. Законъ 17 апрѣля есть по существу только норма, расширяющая льготы старообрядчества, а также инославныхъ и отчасти иновѣрныхъ исповѣданій. Невѣрующіе попрежнему должны оффиціально принадлежать къ какой нибудь вѣрѣ или притворяться, что вѣрятъ, и церковь попрежнему должна исполнять унижительное для своей святости и достоинства дѣло—совершать принудительно таинства для невѣрующихъ. Принципъ остается старый и лишь въ награду за хорошее поведеніе, послѣ точнаго ознакомленія со старообрядчествомъ и сектантствомъ, признано возможнымъ отмѣнить нѣкоторыя изъ прежнихъ стѣсненій и ограниченій. Гоненія за вѣру остались въ полной силѣ для всѣхъ, кто, отказавшись отъ какой-нибудь христіанской вѣры, не переходитъ въ другую, тоже христіанскую вѣру. Религія продолжаетъ быть поводомъ лишенія гражданскихъ и политическихъ правъ еврея, котораго за вѣру отцовъ ссылаютъ въ чергу осѣдлости, лишаютъ возможности образованія, обращаютъ въ жалкаго парія среди остальныхъ народовъ Россіи. „Полицейское государство попрежнему торжествуетъ: оно по произволу милуетъ одни исповѣданія и караетъ другія, оно попрежнему создаетъ изъ религіозныхъ обществъ покорную ему іерархію духовныхъ властей, попрежнему оно ихъ опекаетъ и направляетъ, завѣдуетъ ихъ вѣроученіемъ, культомъ и внутренней дисциплиной. Попрежнему оно не признаетъ человѣческой личности съ ея міромъ нравственной свободы и, какъ и прежде, оно примѣняетъ мѣры насилія тамъ, гдѣ встрѣчаетъ религію, не умѣщающуюся въ нормы казеннаго благонравія, или религіозный энтузіазмъ, не желающій признавать монополію проповѣди господствующей церкви. Объ эту монополію религіозной пропаганды государственной вѣры разбивается вся русская вѣротерпимость. Не можетъ быть вѣротерпимости и равноправія религій и церковныхъ обществъ тамъ, гдѣ только одна церковь имѣетъ монополію на высшую истину и право пропагандировать между всѣми народами и религіями въ государствѣ свою истину, гдѣ всякая проповѣдь должна умолкнуть предъ лицомъ привилегированнаго миссіонера, а всѣ религіозныя общества вынуждены молча и покорно раскрывать свои нѣдра и выслушивать чуждое и враждебное имъ ученіе и безропотно переносить это вторженіе въ ихъ святое святыхъ. И духовная цензура слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одно слово, опасное для привилегированной господствующей церкви не проникло въ сознаніе 140,000,000 населенія Россіи. Полицейскій надзоръ внутри каждой церкви и уголовное законодательство внѣ ея наблюдаютъ за тѣмъ, что-бы не случилось „совращенія“, не произошло опять „государственного вреда“ или „хулы“ на такъ называемое „православіе“. Значить, указъ 17 апрѣля, смягчивъ только притѣсненія за вѣру, не далъ, собственно, ничего новаго.

II.

Нѣсколько словъ о войнѣ, положеніи русскаго народа и современномъ старообрядчествѣ.

Тяжелое и трудное время переживаетъ наша отчина. Ручьями льется человѣческая кровь въ далекихъ и чуждыхъ намъ степяхъ Манчжуріи. Десятки тысячъ цвѣтушихъ жизней гибнутъ въ ненужной и никому непонятной войнѣ. Осиротѣвшія семьи несчастныхъ солдатъ, оставшіяся безъ помощи и призрѣнія, оглашаютъ убогія деревни голоднымъ воемъ. Все время и непрерывно отправляютъ на войну созданныхъ запасныхъ. Уходятъ мужики изъ деревень, уходятъ рабочіе изъ городовъ; уходитъ вся рабочая сила, которая своимъ трудомъ кормитъ страну и куетъ ея благополучіе. Шлютъ на войну „храбрую армію“ и одновременно возвращаютъ армію нищихъ и калѣкъ. Сколько убитыхъ и раненныхъ, изувѣченныхъ, сколько вдовъ и сиротъ! Моръ, чума, холера, тифъ—ничто такъ не опустошаетъ страну, какъ война, хотя бы и побѣдоносная. Сколько слезъ и горя, разоренія, расходовъ и поборовъ съ народа! Сотни тысячъ рукъ, создававшихъ богатства страны, отправляются разрушать чужое добро, а на тощія плечи остающихся взвалена тяжелая контрибуція—кормить, одѣвать, обувать армію, снабдить ее порохомъ и человѣкоубійственнымъ оружіемъ и призрѣвать инвалидовъ и семьи ушедшихъ въ Манчжурію. Русская земля стала жертвой смерти и нищеты. Въ промышленности—значительное сокращеніе работъ, въ торговлѣ и промыслахъ—застой. Земля исходитъ кровью въ когтяхъ жестокой нищеты. Народъ стонетъ подъ гнетомъ безысходной нужды и горя. Но хуже всего то, что и впереди не видно ничего добраго. Миръ съ Японіей мало принесетъ намъ пользы, если останутся старые порядки. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, валить на войну все зло нашей жизни. Война пришла на готовое и, какъ простуда часто добиваетъ больного человѣка, такъ и война нанесла послѣдній ударъ уже ослабленной и разоренной странѣ. Крестьянское хозяйство давно подорвано непосильными налогами и притѣсненіями. Истощенныя поля не даютъ уже и насущнаго хлѣба. Неурожай годъ за годомъ. Нищета и голодъ, въ случаѣ малѣйшаго недорода хлѣба, свирѣйствуютъ въ деревняхъ, такъ какъ, за отсутствіемъ сбереженій, благополучіе крестьянъ зависитъ всецѣло отъ неурожая текущаго года. Въ городахъ же богачи выжимаютъ послѣдніе соки изъ рабочихъ. Велѣдствіе бѣдности и постоянного недоеданія, среди населенія распространяются многочисленныя болѣзни. Здоровый и сильный народъ хирѣетъ и вырождается, смертность населенія увеличивается, процентъ преступности растетъ. Все это было извѣстно задолго до войны; не въ ней поэтому корень зла. Она только усилила старую болѣзнь, только обнаружила скрытыя язвы.

Гдѣ же главное зло нашей жизни? Что дѣлать?—Вотъ роковые вопросы, которые невольно задаетъ себѣ каждый—до того внушительный урокъ, данный намъ въ этой несчастной войнѣ!

Главные причины безотраднaго положенія русскаго народа—его прошлая судьба, крупное землевладѣніе и финансово-экономическая политика нашего правительства. „Собирание земли Русской“, объединеніе, а затѣмъ захваты чужихъ земель, политическіе успѣхи, достиженіе политическаго могущества и положенія первостепенной державы—все это пагубно отзывалось на положеніи народа,

который правительство приносило въ жертву Молоху политическаго могущества, а иногда и чисто-отвлеченнымъ теоріямъ и несбыточнымъ иллюзіямъ.

Чтобы легче добиваться своихъ цѣлей и какъ можно упрочить свое неограниченное владычество, правительство все пускало въ ходъ, ни передъ чѣмъ не останавливалось. Прежде всего правительство считало и считаетъ для себя опасными людей свободомыслящихъ, ученыхъ, образованныхъ, много думающихъ и читающихъ, вообще науку, свободу совѣсти, вѣроисповѣданій и слова, и все, что не подходило къ извѣстному мѣрилу правительства и могло такъ или иначе ему мѣшать. Понятно, что все интеллигентное, искреннее, честное и живое, все мыслящее и сознательное, всѣ, кто не хотѣлъ напрасно потерять голову, быть сожженнымъ или гнить въ крѣпостныхъ и монастырскихъ казематахъ и тюрьмахъ, должны были искать другую родину, или, оставаясь, наложить на уста печать молчанія.

Кромѣ стремленія упрочить свою власть и положеніе, правители и ихъ приспѣшники—знатныя дворянскія фамиліи и богачи употребляли всѣ усилія, чтобы увеличить свои матеріальныя средства, для чего лучшія земли и уголья присвоили себѣ или роздали своимъ приближеннымъ (иногда просто шутамъ, своморохамъ и т. д.), закрѣпостили и жившихъ на нихъ работниковъ, принудивъ ихъ или на себя работать, или платить разорительные поборы (оброкъ а на свободныхъ (лично) обывателей налагая невыносимо тяжелые налоги. Вслѣдствіе перехода земли въ руки правящихъ и привилегированныхъ классовъ—дворянъ и крупныхъ помѣщиковъ, закрѣпощенное сельское населеніе обречено было на рабство, страшную нужду, и тяжелыя лишения. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было непроходимое невѣжество и, слѣдовательно, совершенное отсутствіе возможности усовершенствованій въ земледѣліи и техникѣ. Земледѣліе поэтому пошло къ упадку.

До уничтоженія крѣпостнаго права въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ господствовалъ страшный произволъ, жестокость и грубое насиліе надъ человѣческой личностью. Съ уничтоженіемъ крѣпостничества этотъ произволъ и насиліе или уничтоженъ или ослабѣ. Тѣмъ не менѣе и новый строй былъ созданъ такъ, что не уничтожилъ крайней матеріальной зависимости мужика отъ землевладѣльца и хозяина. Изъ земли, на которой испоконъ вѣковъ жили, которую воздѣлывали и на которую, поэтому, имѣли неоспоримое право крестьяне, имъ дана была только часть, по усмотрѣнію и выбору самихъ помѣщиковъ, за баснословно-высокую цѣну (выкупъ); помѣщики, конечно, въ своихъ интересахъ, размежевались съ крестьянами такъ, что большая часть земли и притомъ лучшіе участки, а также лѣсъ, выгоны, луга, воды, а отчасти даже дороги пришлись въ ихъ владѣніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ размежеваніе таково, что владѣнія помѣщика лежатъ между двумя участками крохотнаго „надѣла“ крестьянъ или врѣзываются въ нихъ клиномъ, иногда же находятся между деревней и крестьянской надѣльной землей. Эта такъ называемая „черезполосица“ сдѣлана, конечно, съ умысломъ, чтобы не выпустить мужика изъ ежовыхъ рукавицъ, держа его въ постоянной зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ со стороны помѣщика мужику „прижимка“: не усмотрѣлъ за скотиной, которая зашла на смежныя барскіе луга или выгонъ,—тяжелый штрафъ; за пользованіе дорогой, проходящей барскими владѣніями, оброкъ; не хватаетъ мужику, вслѣдствіе прироста населенія, крохотнаго душевого „надѣла“—волей-неволей приходится землю брать въ аренду у помѣщика за цѣну, какая ему

вздумается, или еще чаще за половину урожая, съ нѣкоторыми другими тяжелыми обязательствами.

Въ силу всего этого, не смотря на личную свободу, крестьянинъ, какъ человекъ и гражданинъ, остается въ такой же экономической зависимости отъ владѣтельныхъ классовъ, какъ и прежде. Мало того, эта зависимость еще и усилилась, такъ какъ страшно возросли обременительные налоги. Обложили налогами все, что только можно: движимую и недвижимую собственность, предметы первой необходимости—хлѣбъ, дрожжи, рыбу, домашній скотъ, чай, сахаръ, спички, керосивъ, орудія труда и т. д. Къ налогамъ казеннымъ, правительственнымъ, присоединяется еще масса налоговъ земскихъ, на общинныя нужды: на содержаніе школъ, врачей, больницъ, аптекъ, на устройство дорогъ, мостовъ и т. п. При этомъ, распредѣляя налоги между различными классами населенія, нисколько не соображаются съ ихъ матеріальнымъ положеніемъ: наибольшую долю налоговъ платятъ люди неимущіе, трудящіеся, живущіе скуднымъ дневнымъ заработкомъ, и мелкіе земельные участки обложены несравненно большимъ налогомъ, чѣмъ крупныя.

Мало всего этого—изо всѣхъ силъ стараются искусственно поддерживать, насчетъ народа, крупное землевладѣніе верхнихъ сословій, всегда ѣхавшихъ верхомъ на терпѣливой шеѣ нисшаго сословія; для этого на послѣдніе гроши, выжатые изъ народа, достающіеся ему кровавымъ потомъ и трудомъ, устраиваютъ „дворянскіе земельные банки“ и „кассы взаимопомощи дворянъ“, проживающихъ свою жизнь въ бездѣльи, роскоши, разгулахъ, праздности и расточительности и вслѣдствіе этого запутавшихся въ долгахъ или совсѣмъ прожившихъ свои земли.

Бѣдность народа возрастаетъ еще и вслѣдствіе усиленія тяжести воинской повинности. Большая часть государственныхъ доходовъ тратится на военныя издержки. Усиленное вооруженіе заставляетъ брать въ солдаты милліоны рабочихъ рукъ и тѣмъ лишать семьи здоровыхъ, цвѣтущихъ членовъ, а все общество молодыхъ и сильныхъ работниковъ, создающихъ благосостояніе и мирное экономическое развитіе страны. Что же изъ этихъ отборныхъ людей дѣлаютъ? Въ мирное время, оторванные отъ семьи и труда, они—безполезные тунеядцы, прожигатели жизни, а въ военное время они—„пушечное мясо“ на аренѣ дикой, безчеловѣчной, отвратительной бойни, губящей лучшіе соки и цвѣтъ человечества, сущность которой узаконенное убійство, насиліе, грабежъ, разореніе земли и уничтоженіе того, что мирнымъ, честнымъ трудомъ создавалось иногда цѣлыми вѣками.

Всѣ эти тяжести народу приходится выносить ради желанія правителей показать свой народъ въ роли первостепенной державы. Надѣльная земля перестала оправдывать даже насущныя нужды крестьянъ; поэтому бѣдность народа, особенно крестьянскаго сословія, дошла до того, что подати собирать приходится иногда не иначе, какъ при помощи вооруженной полиціи. Теряя послѣднее достояніе, крестьяне, доведенные до отчаянія, нерѣдко производятъ возстаніе, хватаются за оружіе, и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что съ той и другой стороны падаютъ раненые и убитые. Вотъ до чего довели мирныхъ тружениковъ безземельемъ и убійственными налогами!

Словно неотвратимый рокъ виситъ надъ деревней! Крестьянинъ какъ будто навѣки обреченъ, не разсуждая, тянуть лямку, пахать землю и платить чудовищные налоги, самъ не зная за что и куда! Посмотрите на любую изъ нашихъ убогихъ деревень: всѣ избенки какъ будто доживаютъ свой вѣкъ—

срубы сѣрые, крыши, большей частью, изъ гнилой соломы, изгороди обломан-ныя, все покривилось набокъ, всюду торчитъ какая-нибудь черная подиорка, словомъ-всюду бѣдность. А пройдите по улицѣ: выбѣгутъ ребятишки—лица у всѣхъ темныя, одежка худая, оборванная, а то и совсѣмъ полуголыя. На людяхъ бѣдность еще виднѣе, чѣмъ на жильѣ и на вещахъ. Давали ли вы себѣ когда-нибудь трудъ подумать: нормальна ли такая жизнь деревни? Гдѣ причины такой нищеты? Неужели одно пьянство? Но, вѣдь, и оно есть тоже слѣдствіе какой-нибудь другой причины. Да, вѣдь, не всѣ же мужики и пьютъ. Пьютъ вѣдь и богатые и даже гораздо больше. Странно, что, насаждая, и поддерживая пьянство, собирая съ него львиную долю государственныхъ доходовъ, въ то же время обвиняютъ народъ въ пьянствѣ. Издавна тянется такая жизнь надъ за-битой деревней, свыклись съ бѣдой своей мужики-бѣдняки, позабыли они, что человѣку на свѣтѣ можетъ быть и лучше этой доли, позабыли о своемъ чело-вѣческомъ достоинствѣ. Загнанные, запуганные, невѣжественные, никого не ви-давшие, кромѣ „большого строгаго барина“—земскаго начальника, пьяныхъ пи-сарей, пріѣзжающихъ къ нимъ съ шумомъ за поборами, полицейскихъ, уряд-никовъ, потворствующихъ кражамъ, кулаковъ-міроѣдовъ и толстосумовъ, умѣю-щихъ во всякомъ дѣлѣ прижать и обойти бѣднаго мужика,—они въ исконной бѣдѣ своей извѣрились въ правду, добро и во всякую милость.

Образованіе народа до самаго послѣдняго времени было весьма печально: дворянство и капиталисты, оказывающіе большое вліяніе на управленіе стра-ной, захвативъ въ свои руки громадныя земли и другіе источники богатства, которые по праву принадлежатъ народу, закрѣпостивъ матеріально и самый на-родъ, превративъ его въ живую машину или вьючное животное, взамѣнъ этого бросали и бросаютъ народу подачки въ видѣ грошовой благотворительности, а объ образованіи и просвѣщеніи народа они боятся и думать, считая просвѣще-ніе ненужнымъ, лишнимъ и даже вреднымъ; да оно и на самомъ-то дѣлѣ опасно и вредно, только отнюдь не народу, а его порабителѣмъ и эксплуата-торамъ, такъ какъ просвѣщенный крестьянинъ, само собою понятно, распу-таетъ всѣ путы и страхнетъ цѣни рабства.

То обстоятельство, что большая часть земель, притомъ лучшихъ, представля-етъ крупныя помѣстья (очень часто по нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, цѣною по нѣсколько десятковъ милліоновъ), принадлежащія или знатымъ фамиліямъ и цар-скимъ придворнымъ, или богачамъ и фабрикантамъ, скупившимъ громадныя земли, которые не живутъ въ помѣстьяхъ, не тратятъ своихъ доходовъ на деревню, а прожи-гаютъ жизнь въ городахъ и за границей, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что зем-ледѣіе и сельское хозяйство не могутъ процвѣтать; всѣ доходы дворянъ и бо-гачей изливаются на города, а часто и совсѣмъ не остаются на родинѣ. Ни-кто не дѣлаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ ни малѣйшихъ улучшеній, да это и невозможно, такъ какъ поземельная собственность, орудія труда и почти все, что даетъ земля и сельское хозяйство, страшно обременены налогами, при ко-торыхъ темному, полуголодному и полунагому крестьянину не до усовершен-ствованій.

Тяжелые налоги и плохое первобытное хозяйство дѣлаютъ то, что земля да-етъ ничтожныя доходы, и крестьяне, владѣющіе мелкими клочками земли, ни-какъ не могутъ прокормиться землей. Изъ дохода съ земли крестьянину необ-ходимо не только прокормить круглый годъ свою семью, но выплатить всѣ подати и налоги—массу самыхъ разнообразныхъ взносовъ и поборовъ, не го-воря уже о тяжеломъ бремени натуральной повинности. Въ неурожай даже и

крупному землевладельцу изъ крестьянъ не приходится продавать произведеній своей земли, а въ урожайный годъ крестьянинъ не можетъ сбыть ихъ по настоящей цѣнѣ, такъ какъ, вслѣдствіе нужды, приходится продавать ихъ немедленно. Дороги ужасно плохія, прямо первобытныя; доставка продуктовъ земледѣлія куда-нибудь подальше требуетъ большихъ расходовъ и большой потери времени въ рабочую пору; крестьянинъ вынужденъ продавать весь свой остатокъ на мѣстѣ и безвременно скупщикамъ, кулакамъ и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянину, владеющему клочкомъ земли невозможно прокормиться, такъ какъ всѣ предметы потребленія обложены высокими налогами; съ убитой скотины, за помоль хлѣба, съ дома, съ семьи, даже за двери и окна, т. е. за пользованіе свѣтомъ Божьимъ—со всего берутъ пошлину, все, кромѣ воздуха, обложено (косвенные налоги).

И вотъ бѣдный „Антонъ-Горемыка“ бросаетъ землю и идетъ на мытарства—на отхожіе промыслы, бѣжитъ въ города, на фабрики и заводы. Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ знаетъ, что пагубна для него эта фабрика, да ничего не подѣлаешь—нужда! Работу на сторонѣ, особенно на фабрикахъ и заводахъ найти чрезвычайно трудно, а за ту, какая попадется, вслѣдствіе конкуренціи и избытка рабочихъ рукъ, платятъ такъ мало, что на заработокъ невозможно по человѣчески существовать—едва хватаетъ на дневное пропитаніе. Вслѣдствіе всего этого крестьянство такъ обнищало, что ему очень трудно поправиться, тѣмъ болѣе, что подати (особенно косвенные налоги) и различные поборы непрерывно увеличиваются; все обложено, все стонетъ и гнется подъ тяжестью чрезмѣрныхъ налоговъ; наконецъ, коренная причина бѣдности народа—крупное частное землевладѣніе остается въ силѣ.

И вотъ при такомъ-то обнищаніи народа правительство направило всѣ свои силы на искусственное развитіе въ Россіи крупной обрабатывающей фабрично-заводской промышленности, которое и было положено, лѣтъ 25 тому назадъ, въ основаніе нашей финансово-экономической политики. Чтобы сосредоточить въ рукахъ правительства громадныя средства для осуществленія намѣченной цѣли, эта политика требовала безпощаднаго обложенія мужика, главнаго плательщика налоговъ, высокими налогами. Деревня отъ чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ силъ населенія изнемогала, а государственнй бюджетъ все росъ и дошелъ до колоссальной цифры 2,000,000,000 рублей. Разумно ли, нормально ли это? Народъ бѣденъ, голоденъ, теменъ, некультуренъ, безграмотенъ, и вдругъ ему навязываютъ двухъ-милліардный бюджетъ, преподносятъ металлургическую и мануфактурную промышленность, предлагаютъ кататься на желѣзныхъ дорогахъ, щеголять броненосцами, подводными лодками, беспроволочнымъ телеграфомъ и т. д. Господа! Вы накормите и просвѣтите его сначала, и тогда онъ самъ безъ вашихъ непрошенныхъ медвѣжьихъ услугъ, когда окажется нужно, все это легко создастъ. Вы забыли изреченіе Христа, что „не вливаютъ въ старые мѣхи новаго вина“, и что пагубно заставлятъ темный и бѣдный народъ щеголять плодами западно-европейской культуры, оставляя въ неприкосновенности патріархальный строй жизни и существующій порядокъ правленія; это все равно, что пальму изъ тропическихъ странъ пересадить на сѣверъ. Ваша политика похожа на то, если дѣлать желѣзную крышу и дорогую рѣзьбу на домѣ въ то время, какъ фундаментъ разваливается, а стѣны худыя и гнилыя, или на то, если принуждать мужика носить цилиндръ, пенснэ, часы и замшевыя перчатки, тогда какъ у него даже на сермягу и лапти едва хватаетъ. Не указывайте на примѣръ Запада, съ которымъ вы желаете вырав-

няться въ промышленномъ отношеніи, но обречены всегда идти въ его хвостъ. Тамъ промышленность развилась естественнымъ путемъ, такъ какъ, при густотѣ населенія, всѣмъ заниматься земледѣліемъ стало невозможно. Не забывайте еще, что тамъ народъ культурный, способный, при меньшей затратѣ труда, извлечь изъ естественныхъ богатствъ природы, изъ земли и изъ всего, за что берется, возможно больше выгодъ. Совсѣмъ не то у насъ—невѣжественныхъ сыновъ страны, по преимуществу, патриархально-земледѣльческой. Частые промышленные кризисы и паденіе цѣвъ, вслѣдствіе перепроизводства и плохого спроса, до очевидности ясно доказываютъ, что положеніе нашей фабрично-заводской индустріи ненормально, что она создана искусственно, что у нея нѣтъ надежнаго рынка и достаточнаго сбыта, и что она не можетъ существовать безъ правительственной поддержки, рискуя тогда лопнуть, какъ мыльный пузырь. Заграницу наши фабрикаты почти совсѣмъ не идутъ, а внутри страны обнищавшее населеніе почти ничего не покупаетъ. Нужно или пріобрѣсти, конечно путемъ войны, внѣшніе рынки, что въ нынѣшнія времена стало счель трудно, или заручиться надежнымъ внутреннимъ рынкомъ, поднявъ благосостояніе народа, упрочивъ его покупательную способность и увеличивъ потребленіе.

Кажущіеся успѣхи нашей промышленности оказали дурные и печальные результаты не только на крестьянство, подрывая его налогами, идущими на эту промышленность, но и на рабочихъ—этихъ добровольныхъ крѣпостныхъ, за ничтожное вознагражденіе выполняющихъ каторжный трудъ въ невозможной обстановкѣ. Раньше, когда были небольшія мастерскія и фабрики, рабочіе какъ бы входили въ семью своего хозяина, который раздѣлялъ съ ними трудъ, близко входилъ въ ихъ интересы и переживалъ вмѣстѣ съ ними черные дни безработицы и радостные дни успѣха. Но съ появленіемъ милліонныхъ фабрикъ и заводовъ словно стѣна выросла между предпринимателемъ и рабочими. Положеніе сдѣлалось неравно, а интересы прямо противоположны. Съ одной стороны милліонеръ, ворочающій громаднымъ капиталомъ и дѣлами, съ другой—темный, загнанный бѣднякъ. И по мѣрѣ того, какъ первый все богатѣлъ, второй, вслѣдствіе этого, все болѣе нищаль и бѣднялъ, потому что, какъ горы богатства вырастаютъ, высасывая изъ окружающей среды соки и тѣмъ распространяя вокругъ себя пустыню нищеты. Печальнѣе всего то, что рабочіе часто остаются и вовсе безъ дѣла, не находя его и за ничтожную плату. Съ усовершенствованіемъ техники, со введеніемъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ различныхъ реформъ, множество рабочихъ оказались лишними и были выброшены на улицу, не зная куда дѣться. За земледѣліе они не могутъ взяться, такъ какъ совсѣмъ не приспособлены; да и послѣдніе земледѣльцы, вслѣдствіе безземелья и непосильныхъ налоговъ, бросаютъ землю, не будучи въ состояніи ею прокормиться и идутъ на ту же фабрику и заводъ. Владѣльцы фабрикъ и заводовъ отлично понимаютъ безвыходное положеніе этихъ людей и усердно выжимаютъ изъ нихъ все, что только можно. Выносливость рабочихъ прямо поразительна.—Не такъ далеко то время, когда работали, почти безъ перерыва, по 17 и даже по 20 часовъ въ сутки. Женщины и дѣти вынуждены работать при тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Все это отражается прежде всего, конечно, на здоровьѣ этихъ несчастныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, на нихъ просто жалко смотрѣть. Испитые, блѣдные, или съ желтыми и землистыми лицами, съ глубоко-впавшими глазами—они походять на людей, выздоравливающихъ послѣ болѣзни, но никакъ не на здоровыхъ. И какъ-то не хочется вѣрить, что эти полубольные люди много лѣтъ подрядъ ежедневно выносятъ такую работу, которая здоровому и сильному не подь

силу. Еще меньше вѣрится, что невзыскательности и выносливости этихъ симпатичныхъ, дурно оплачиваемыхъ тружениковъ страна обязана своими промышленными успѣхами. Особенно жаль женщинъ. Онѣ слабѣ мужчинъ, и жестокий фабрично-заводскій режимъ, и къ нимъ точно примѣняемый, проводитъ преждевременно глубокія морщины на ихъ рано старѣющихъ лицахъ. Еще болѣе жаль подростковъ. Какіе они всѣ скучные, апатичные, изможденные, чахлае и хрупкіе. Не слышно смѣха и дѣтской возни, не видно веселыхъ глазъ и здороваго румянца на дѣтскихъ лицахъ въ законченныхъ и мрачныхъ фабричныхъ казармахъ и поселкахъ. Какъ на кладбищѣ—здѣсь тихо и уныло. Какъ тѣни, подвигаются рабочіе торопливой, дѣловой походкой—вѣдь работа не ждетъ, а за малѣйшее опозданіе, иногда даже въ одну минуту, немилосердно штрафуютъ. И только громыханье гигантскихъ машинъ, стукъ колесъ, лязгъ, трескъ и грохотъ желѣзныхъ частей со всѣхъ сторонъ напоминаютъ, что вокругъ кипитъ могучая жизнь и дѣятельная работа, что въ этихъ грандіозныхъ, прокопченныхъ стѣнахъ, съ высокими трубами, выбрасывающими искры, дымъ и пары, какъ говорятъ, куется промышленное могущество страны. И сколько жизней, сколько крови, силъ и здоровья уносятъ фабричныя трубы въ облака и разносятъ по вѣтру вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ! Сколько надеждъ разбивается это грохочущее чудовище, „кующее промышленное могущество страны“! Вслѣдствіе ненормальнаго положенія промышленности созданъ, такимъ образомъ, и рабочій вопросъ со всей его остротой.

Не взирая на крайнюю ненормальность и напряженность налогового бремени и пошлинъ, которыя больно отзываются на спинѣ и хозяйствѣ простого рабочаго люда, „нужды государства“ требуютъ все новыхъ расходовъ и затратъ, а между тѣмъ сельское хозяйство—основа нашего народнаго богатства и благополучія—съ каждымъ годомъ ухудшается, быстро идя къ совершенному упадку. Правительство дѣлаетъ массу затратъ на дорогія желѣзнодорожныя сооруженія, приносящія намъ сплошной убытокъ, но еще болѣе истощаетъ оно казну громадными расходами на увеличеніе арміи и флота, на ихъ вооруженіе и перевооруженія. Откуда же правительству взять денегъ на всѣ подобныя расходы, если страна доведена до того, что въ ней уже и брать почти нечего? Приходится дѣлать громадные разорительные займы у иностранныхъ капиталистовъ. Сумма государственныхъ долговъ поэтому неимоვნно возросла. Одна уплата процентовъ по займамъ заставляетъ постоянно увеличивать налоги или дѣлать новые займы. Вслѣдствіе этого кредитъ страны падаетъ, государственный, процентный и другія гарантированныя правительствомъ бумаги обезцѣниваются, банки уменьшаютъ ссуды своимъ кліентамъ, вслѣдствіе чего торговля падаетъ. Ясно, что финансово-экономическая политика нашего правительства истощила страну, разстроила государственное хозяйство, свела на нѣтъ платежныя силы народа, подорвала его экономическое благосостояніе, раззоривъ главную его массу—крестьянъ косвенными налогами, податями и повинностями и доведя весь трудовой рабочій людъ чуть не до голодной смерти. И удивительно теперь уже не то, что правительство беретъ, а то, что народъ все еще даетъ, допуская безнаказанно расхищать государственную казну и безконтрольно расходовать трудовыя народныя деньги на дѣла, народу чуждыя, нежелательныя и непонятныя, и на рискованныя предпріятія, ничего не говорящія русскому сердцу и вредныя для народа. Сто тридцать милліоновъ населенія необъятной Россіи правительство, такимъ образомъ, превратило во столько же милліоновъ нищихъ, голодныхъ, невѣжественныхъ, подневольныхъ, безгласныхъ и безправныхъ рабовъ.

Присмотритесь внимательно къ человѣческой толпѣ, и вы поймете, до какого состоянія доведенъ человѣкъ, созданный по образу Божію, безнравственной политикой насилія, безправія и обезличиванія. Въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ, голубыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, вы не найдете ничего оригинальнаго, сильнаго, ничего стоящаго мысли! Не на чѣмъ остановить вниманіе, отдохнуть взглядомъ! Какъ много головъ, глазъ и какъ мало людей! Тупость и безхарактерность настолько покрыла всѣхъ своей ледяной корой, что кажется, будто это бездушные манекены, трудно даже опредѣлять, какому народу, какому мнѣнію принадлежать эти люди, чѣмъ они живы, что ихъ волнуетъ. Подъ улыбками не видно выраженія, въ словахъ нѣтъ трезвой мысли, подъ одеждой — сердца и души. Прислушайтесь къ безконечной трескотнѣ разговоровъ: сплошное умноженіе нуля, переливаніе изъ пустого въ порожнее, шутовство и бравада пошлости! Сколько вишняго шума, пышности и блеска и какъ мало простой порядочности, теплоты и искренности! Сколько притворной добродѣтели и въ то же время — лжи и неестественности въ этой толпѣ громкихъ и красивыхъ словъ! Хотя у всѣхъ на умѣ одно стремленіе къ маленькому „мѣщанскому“ счастью, одна цѣль: много и вкусно ѣсть, пить и имѣть женщину вообще утробные интересы на чужой счетъ, или при самой малой затратѣ труда, но, чтобы скрыть свое духовное убожество, уродство мысли, ничтожество чувствъ и безсиліе воли, всѣ кривляются на разные лады, прикрываясь модными фразами и ходячими теоріями. Никому и въ голову не приходитъ подумать: да такъ-ли мы живемъ? Нормально-ли? разумно-ли? по человѣчески ли? по Божески ли? И за что такая разница между людьми, когда предъ лицемъ правды Божіей всѣ равны? Отчего одинъ живетъ въ изобиліи и пресыщается, не работая, а другой не всегда имѣетъ даже кусокъ насущнаго хлѣба, хотя упорно работаетъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы прокормить себя и семью?! Что одинъ сдѣлалъ такого, чтобы заслужить свое благополучіе, и чѣмъ провинился другой, что на его долю выпалъ столь плачевный жребій?

Порочная и развращенная политика правительства, не давая выхода разумнымъ стремленіямъ народа, глуша всѣ его благія начинанія, въ то же время усердно поддерживаетъ и развиваетъ въ немъ тѣ страсти и дурныя склонности, которыя еще въ древности были развиты въ народѣ, приковывая его вниманіе и разжигая воображеніе. „Хлѣба и зрѣлищъ“ — кричалъ нѣкогда въ Римѣ народъ, и ему бросали, какъ собакамъ, разныя подачки и проливали, для его потѣхи, ручьи крови. Тому изъ правителей, кто усердиѣе старался удовлетворить этой страсти къ зрѣлищамъ и устраивалъ ихъ съ большой щедростью, опьяненный народъ прощалъ всю жестокость, всѣ пороки и безумія. И не смотря на совершенный упадокъ нравственности въ народѣ, не смотря на то, что эти зрѣлища страшно обременяли государство, которое отпускало на нихъ баснословныя суммы, правители (напримѣръ, въ Римѣ, въ Византіи, въ Испаніи) всѣми силами поддерживали эту страсть ради достиженія своекорыстныхъ цѣлей, отлично понимая, что только удовлетвореніемъ низменныхъ, животныхъ стремленій и наклонностей толпы и опьяняющими зрѣлищами можно отвлечь мысль народа отъ его бѣдственнаго, рабскаго, унижительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ правящимъ классомъ.

Въ результатѣ подобной политика — прямо ужасающая порочность отдѣльныхъ лицъ и всей массы, неописуемая развращенность, грубость и жестокость нравовъ, пустое самомиѣніе и непомерное чванство, грубый эгоизмъ и взаимная ненависть, карьеризмъ, стремленіе присосаться къ казенному или общест-

венному пирогу, погоня за двадцатымъ числомъ, духъ наживы, служеніе „мамонѣ“, готовность за деньги, за кусокъ хлѣба на все, самое низкое и недостойное челоуѣка, почти поголовное ньянство, безстыдная порнографія въ литературѣ и искусствѣ, узаконенный половой развратъ, полигамія, полиандрія и прочія гадости, ставшія дѣломъ обыкновеннымъ, на которое смотрять совсѣмъ легко и сквозь пальцы, забывая, что подобная мерзость предъ лицомъ святости Божіей была причиной того, что цѣлыя царства, какъ Вавилонъ, Римъ и другія, не смотря на свою обширность и желѣзное могущество, по волѣ Божіей, какъ прахъ, были смѣтены съ лица земли.

И вотъ манчжурская авантюра встряхнула стоячее и загнившее болото нашей жизни и вскрыла всѣ наши язвы. На поляхъ далекой Манчжуріи, поляхъ смерти и всякихъ ужасовъ, возстали противъ насъ грозной ратью призраки нашихъ прегрѣшеній и беззаконій, личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ, національныхъ, церковныхъ и историческихъ. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы заранѣе сказать, что все произойдетъ именно такъ, какъ оно произошло, что эта кровавая эпопея представляетъ изъ себя нашу оцѣнку и судъ Божій за всѣ грѣхи и наши темныя дѣянія. На р. Ялу, при Цинь-Чжоу, при Вафангоу и далѣе десница Господня неотступно карала насъ; при Ляоянѣ и на Шахъ Богъ опять, по выраженію пророка, „посѣтилъ жезломъ беззаконія наши и ранами неправды наши“. Затѣмъ, все съ той же роковой неизбѣжностью, пали, объявленные неприступными, твердыни Портъ-Артура съ его грозной эскадрой, чтобы явилось на нихъ дѣло Божіе — обличеніе всей гнили и гнусности правительственной политики, всѣхъ послѣдствій удушливой атмосферы гнета, безправія и насилія. Но ложь все еще кичилась, ложь надувалась, ложь обѣщала побѣждать, не отступая болѣе ни шагу. — И вотъ подъ Мукденомъ разгромлена наша армія, а въ Цусимскомъ проливѣ позорно разстрѣляна, потоплена, а частью безславно взята въ плѣнъ наша „грозная армада“ — эскадра Рождественскаго, состоявшая, впрочемъ, наполовину изъ тихоходныхъ береговыхъ броненосцевъ — въ сущности „старыхъ сундуковъ, предназначенныхъ защищать финскую лужу“. Наша послѣдняя надежда рушилась. Система лжи разбита, опозорена и корчится въ судорогахъ послѣдняго издыханія. Русскій народъ страдалъ, русскіе солдаты все это время получали ударъ за ударомъ и терпѣли пораженія не за себя, а за все зло и неправду нашей жизни, за безнравственную политику правительства. Честь и слава народа не затронуты, потому что честь и слава народа въ трудѣ, въ челоуѣколюбіи, во всемъ, что улучшаетъ, облагораживаетъ жизнь народовъ, а не въ убійствѣ, не въ насиліи и разореніи земли, не въ опустошеніи хлѣбородныхъ полей, не въ разрушеніи городовъ, полныхъ жизни, и не въ защищеніи награбленнаго — отнятой насиліемъ чужой земли. Въ Манчжуріи опозорила себя лишь бессмысленная и гнусная политика авантюристовъ въ мундирахъ, прикрывающихся именемъ русскаго народа.

Неужели же эта окончательно развѣчанная и на весь міръ опозоренная ложь у себя дома, на Руси, издѣваясь надъ правдой, попрежнему будетъ гордо носить свою безобразную голзву? Какого же позора, какихъ пораженій, какихъ уроковъ и какихъ знаменій еще нужно? Неужели же ждать, когда, наконецъ, и „камни возопіють“?! Если мы не исправимся, не устранимъ причины всѣхъ золъ нашей жизни, мы еще много разъ будемъ разбиты, много и еще понесемъ испытаній, можетъ быть, еще худшихъ. Бичъ Божій неотвратимо нависъ надъ нами за грѣхи былыхъ временъ, за вѣковыя путы рабства, ярмо угнетенія,

невыносимаго безправія, обезличиванія и невѣжества, за безславныя и позорныя оковы, наложенныя на духъ, совѣсть, живую мысль и живое слово, и породившія сонъ умовъ и гордость темнаго незнанія; за то, что мы привыкли ходить въ потемкахъ и боимся открыто говорить главное, важнѣйшее—правду, большую, могучую, которая, какъ солнце, освѣщала бы тьму и разгоняла ложь; за то, что все мыслящее, живое, сознательное, жизненное, всякая инициатива и свободная дѣятельность, всякое правдивое слово и гражданскій подвигъ не только не поощряются, но прямо преслѣдуются, какъ преступленіе, какъ элементъ вредный, „неблагонадежный“, и, наоборотъ, возвышается, покровительствуется и вмѣняется въ добродѣтель—безбожная лесть, холопство, трусость, раболѣпство и бездарность, все мелкое и низменное; за то, что добро объявляется зломъ и преслѣдуется, а зло не только терпится, но санкціонируется и сознательно поощряется;—старообрядцы, на примѣръ, поставятъ на молитвенномъ домѣ крестъ—символь христіанства, или соберутся на молитву въ частномъ домѣ—зло, „соблазнъ“, законъ не разрѣшаетъ! И какой тогда подымается переполохъ среди полиціи и смиренныхъ „православныхъ“ батюшекъ! А въ результатъ такого „воцѣющаго преступленія“ строжайшее административное взысканіе, или судебное преслѣдованіе и достойное возмездіе „по закону“, явно въ данномъ случаѣ, безнравственному и противному Христу. И тотъ же самый законъ санкціонируетъ существованіе домовъ терпимости и другихъ учрежденій, рассчитанныхъ на низменныя, животныя инстинкты; тотъ же самый законъ въ основу государственнаго бюджета полагаетъ питейный и отчасти табачный доходъ, собираемый путемъ отравленія народа, для чего повсюду усиленно насаждаются казенныя винныя лавки, даже и тамъ, гдѣ ихъ никогда не было, и противъ воли и желанія обывателей, а громкимъ по имени „попечительствамъ о народной трезвости“ воспрещается проповѣдывать трезвость и воздержаніе отъ алкоголя. За то, что духовные представители христіанства въ Россіи за „изду“ служатъ низменнымъ цѣлямъ полицейскаго режима и вмѣсто того, чтобы просвѣщать вѣрующихъ, разрѣшать ихъ сомнѣнія, примирять ихъ между собою, они усердно работаютъ дѣлу порабощенія мысли и гашенія истинныхъ религіозныхъ понятій въ народѣ и, предавая дѣло Божіе, служатъ сильнымъ міра сего противъ слабыхъ, раздуваютъ вражду между собою, подавая примѣръ соблазна, расшатывая вѣру, вызывая сомнѣнія и многихъ наводя на мысль, да могутъ-ли такіе пастыри признаваться истинными носителями завѣтовъ Христа, если своими злоупотребленіями и враждой подаютъ такой худой примѣръ и христіанамъ, въ результатъ чего суевѣрія въ низшихъ классахъ, лицемѣріе, индифферентизмъ или злобное, ожесточенное невѣріе въ высшихъ. За то, что жизнь народа построена на безнравственныхъ и антихристіанскихъ началахъ эгоизма и всеобщаго разобщенія. Въ области національной политики у насъ возведенъ въ принципъ узкій племенной эгоизмъ и нетерпимость великорусскаго племени; а въ сферѣ духовной, въ дѣлахъ вѣры, торжествуетъ система гоненій и насиліе надъ совѣстью со стороны русской государственной церкви. За то, что правительство за вѣру и религіозныя убѣжденія, за всякое правдивое сужденіе и свободное слово въ области политики сажаетъ въ тюрьмы, заточаетъ въ крѣпость, гноятъ въ монастырскихъ казематахъ или ссылаетъ въ Сибирь и другія „не столь отдаленныя мѣста“. За то, что интересы классовъ обездоленныхъ и уничтоженныхъ, интересы немощныхъ міра сего приносятся въ жертву интересамъ имущихъ и привилегированныхъ. За то, что на крестьянъ смотрятъ исключительно, какъ на водовозную клячу

или дойную корову; все назначеніе и смыслъ существованія крестьянскаго сословія сводятъ къ уплатѣ податей и выполненію повинностей, безъ помысла объ ихъ человѣческомъ достоинствѣ, объ ихъ правѣ на лучшую жизнь и долю и прочихъ ихъ правахъ, кромѣ права подвергаться наказанію розгой, которое насильно, вопреки общественному мнѣнію и желанію лучшей части русскаго народа, сохраняли за ними до самаго послѣдняго времени.

Вся подобная политика словно стремилась къ тому, чтобы упразднить духовную связь и солидарность въ народѣ, возстановляя, когда это нужно, классъ противъ класса, натравляя племя на племя, религію на религію. Въ этомъ заключается основная причина всѣхъ постигшихъ насъ казней египетскихъ. Чего же другого можетъ ожидать общество, которое представляетъ хаосъ разрозненныхъ, озлобленныхъ и взаимно враждебныхъ элементовъ, представляющихъ горючій матеріалъ, готовый загорѣться отъ первой искры? Нисколько неудивительно поэтому, что за вѣшними пораженіями и внутри возникъ страшный пожаръ, который съ землей можетъ сравнять наше затрещавшее по всѣмъ швамъ государственное зданіе. Въ видѣ храмины разсыпанной предстаза Россія на страшный судъ исторіи. Достаточно вспомнить исторію Еврейскаго, Персидскаго и Македонскаго царствъ, исторію Вавилона и Рима, чтобы понять, что не можетъ быть прочнымъ порядокъ изъ—подъ палки и вѣшнее могущество, основанное на страхѣ, насиліи, жестокости и неправдѣ. Ясно, какъ Божій день, что не можетъ пользоваться довѣріемъ и претендовать на любовь народа, не можетъ побѣждать правительство опричнины, обособившееся, чуждое и ненавистное своимъ подданнымъ. Что можетъ принести побѣда инородцамъ и окривнамъ Россіи? Новыя угнетенія отъ правительства, сильнаго и гордаго своими побѣдами. Что можетъ ждать, отъ побѣды коренное великорусское населеніе, которое у себя дома живетъ, какъ въ завоеванной вандалами или башибузками странѣ? Что, какъ не новыя угнетенія, побѣда принесетъ старообрядцамъ и всѣмъ тѣмъ, чья вѣра не укладывается въ рамки казенной ортодоксіи господствующей церкви? Нужно же, наконецъ, трезво взглянуть на вещи и понять, что побѣда русскаго правительства въ Манчуріи означаетъ пораженіе русскихъ гражданъ у себя дома, торжество кучки насильниковъ, торжество политики тьмы и угнетенія личности, вѣры и совѣсти.

Чтобы собрать воедино распалающееся тѣло, чтобы сдѣлать его компактной массой сплоченныхъ, солидарныхъ и сильныхъ духовно частей, и прекратить вспыхнувшій по лицу земли Русской пожаръ, нужно сознать основной нашъ историческій грѣхъ и изгнать изъ жизни безбожную ложь и антихристіанскую политику гнета, тьмы, неправды и насилія. Чтобы сдѣлаться для всѣхъ дорогимъ отечествомъ, матерью-родиной, а не страшлищемъ и злой мачехой, русское государство должно показать, что ему одинаково дороги всѣ граждане, что оно признаетъ свободу и безусловную цѣнность за каждой личностью, за каждой религіей и національностью, безъ различія „эллина и іудея, варвара и скифа, раба и свободнаго“, должно вывести, наконецъ, нашъ даровитый народъ изъ положенія пасынковъ, которыхъ, лишивши правъ и свободы, лишили тѣмъ самымъ и отечества, и превратить его изъ рабовъ и холоповъ въ гражданъ своего отечества, какъ субъектовъ правъ и обязанностей.

Но невозможно обо всемъ этомъ даже мечтать, пока живо неограниченное самодержавно-бюрократическое правленіе, жива политика безграничнаго административнаго произвола, усмотрѣнія и самовластия, безконтрольнаго распоряженія народными финансами и завоевательныхъ авантюръ. Поэтому пора и

старообрядцамъ, оставивъ политику терпѣливаго ожиданія „милостей“ и старыя приемы лицемѣрнаго угодничества и притворной лести, наравнѣ со всѣми другими группами русскаго народа, требовать прекращенія войны и немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія, безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и языка, имущественнаго и образовательнаго ценза, и ценза осѣдлости, и гарантій безусловной свободы совѣсти и вѣры, свободы слова и печати, передвиженія, собраній, союзовъ и стачекъ, неприкосновенности личности и жилища и амнистїи по всѣмъ политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Мы должны бороться, чтобы учредительное собраніе представителей народа, выработавъ законномѣрный правопорядокъ государственнаго управленія, поставило во главу своей дальнѣйшей программы и въ первую же очередь провело тотъ мѣншимъ политическихъ и экономически-соціальныхъ реформъ, безъ котораго невозможенъ прогрессъ страны и экономическій подъемъ трудящагося люда. Къ числу такихъ относятся, кромѣ перечисленныхъ, гарантія равенства всѣхъ передъ закономъ, несмѣняемость судей, равноправіе національностей, языковъ и религій, всеобщее обязательное обученіе на государственный счетъ, широкое мѣстное самоуправленіе также на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, реформа налоговой системы, уничтоженіе выкупныхъ платежей, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и налога на наслѣдства, передача земли въ руки тѣхъ, кто ее непосредственно обрабатываетъ, широкое законодательство для охраны интересовъ фабричныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, установленіе нормы рабочаго дня въ 8 часовъ, государственнаго страхованія на случай болѣзни, старости, инвалидности и безработицы и мѣншимъ-а заработной платы для всѣхъ сферъ и категорій наемнаго труда.

Кромѣ всего этого мы, старообрядцы, должны добиваться освобожденія, полнаго отдѣленія отъ государства и гарантій свободы церкви на вѣки вѣковъ; независимая отъ правительственной власти, народная церковь, задача которой безконечное нравственное совершенствованіе личности, церковь, свободная безпристрастно судить обо всемъ съ высоты вѣчной евангельской правды—вотъ нашъ девизъ! Мы ничего не требуемъ отъ государства, кромѣ охраненія личности и внѣшняго порядка, намъ не нужно никакихъ казенныхъ кредитовъ, субсидированія и помощи государства въ дѣлахъ церковныхъ; въ тоже время мы не согласны связать свободу церкви „какими-либо“ регламентами и обязательствами предъ государствомъ и не допустимъ ни малѣйшаго вліянія или вмѣшательства мірской власти въ дѣла церкви. Чувствую, сейчасъ мнѣ возразятъ, что свобода церкви можетъ принести много вреда, чему примѣръ-римско-католическая церковь. Но не нужно забывать, что Христова церковь—не духовенство, одаренное „непогрѣшимостью“ и совмѣщающее духовную и свѣтскую власть, какъ въ католичествѣ, а весь народъ, свободно избирающій и самое духовенство и пользующійся правомъ широкаго контроля въ церковныхъ дѣлахъ вообще, въ частности, же въ дѣлахъ церковно-общественнаго и хозяйственнаго характера распоряжающійся неограниченно; а духовное управленіе нашей церкви не монархически-неограниченное, а соборное; поэтому всѣ страхи относительно вреда, который якобы принесетъ свободная церковь обществу, и относительно клерикализма, который она якобы породитъ, совершенно неосновательны; зло клерикализма тамъ только и возможно, тамъ только и господствуетъ, гдѣ церковь или совсѣмъ несвободна, или принципъ отдѣленія ея отъ государства проведенъ не полно, не до конца, гдѣ она ограничена различными договорами,

„регламентами“, „конкордатами“ и т. д., гдѣ она, представляя изъ себя одну изъ функцій государственной-политической жизни и имѣя много точекъ соприкосновенія съ государственнымъ управленіемъ, по необходимости служить постороннимъ и чуждымъ ей цѣлямъ и интересамъ; лишившись политической силы въ видѣ физической и матеріальной поддержки отъ государства, церковь по самому существу своему, какъ добровольный духовный союзъ свободныхъ людей на началахъ равенства и братства, должна будетъ устраниваться отъ активного вмѣшательства въ политическую жизнь государства, пользуясь однимъ правомъ дѣйствовать своей духовной силой и обаяніемъ, словомъ убѣжденія и вліяніемъ на умъ, сердце и совѣсть своихъ членовъ, каковымъ правомъ въ свободномъ государствѣ пользуются всѣ граждане. Эту идею свободной народной церкви и принципъ соборности мы 250 лѣтъ отстаивали цѣнной кровью, лишеній и страданій; безъ этого нѣтъ христіанской церкви, а есть какая-то пародія на нее — прислужница сильныхъ міра, вынужденная благословлять и освящать своимъ авторитетомъ всякое преходящее явленіе, всякое распоряженіе и дѣйствіе власти.

Въ доказательство достаточно привести одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ. Въ царствованіе Николая I одинъ изъ главныхъ представителей русской государственной церкви, умный и авторитетный, митрополитъ Московскій Филаретъ оправдывалъ, отъ лица церкви, существованіе вѣрностнаго права, приводя даже цитаты изъ священнаго писанія; и по какой-то злой и горькой ироніи судьбы того же самаго митрополита Филарета при Александрѣ II заставили писать манифестъ 19-го февраля 1861 года о крестьянской „волѣ“. Послѣ этого уже нисколько не удивительно, что „слѣпѣйшій“, виноватъ, „святѣйшій Синодъ“, во всенародномъ посланіи рассказываетъ нелѣпую басню о подкупѣ японцами за 18 милліоновъ рублей руководителей современнаго освободительнаго движенія русскаго народа, или что духовенство съ церковной каѳедры, отъ лица Бога, натравляетъ простой, темный народъ на инородцевъ и инновѣрцевъ, старобрядцевъ, сектантовъ и интеллигенцію.

Кромѣ отдѣленія церкви отъ государства, мы должны еще требовать, чего нѣтъ почему-то ни въ одной петиціи и резолюціяхъ различныхъ общественныхъ группъ, предъявленныхъ за послѣднее время правительству, полной отмѣны смертной казни во всѣхъ видахъ судопроизводства, не исключая и военно-полевого и уничтоженіе безсрочной, а также и слишкомъ долговременной каторги и пожизненнаго заключенія, потому что эти пережитки варварства неестественны, безнравственны и несогласны съ Божескимъ закономъ, лишая человѣка возможности раскаяться и искупить свое преступленіе противоположными добрыми дѣлами.

Если только мы хотимъ добиться исполненія всѣхъ перечисленныхъ желаній, то должны не просить униженно, какъ милостыню, а требовать, требовать настойчиво, какъ свое неотъемлемое право человѣка и гражданина, отнятое и попранное. Прошла пора кланяться и унижаться, терпѣть насиліе и издѣвательство надъ вѣрой, совѣстью и личностью. Чаша нашего терпѣнія переполнилась. Наша лояльность и вѣра въ правительство убиты и никогда не воскреснутъ. Насъ мучили, гнали, преслѣдовали. Нашихъ братьевъ разогнали по чужимъ странамъ. Надъ нашей святыней ругались; наша вѣра, наши лучшія чувства, исходящія изъ тайниковъ души — наше «святое святыхъ» подвергали насмѣшкамъ, кощунству и публичному издѣвательству при отсутствіи у насъ гражданскихъ правъ и возможности защищаться. Когда братья наши, вслѣд-

ствіе невыносимыхъ гоненій бѣжали за рубежъ, ихъ окрестили измѣнниками отечества, хотя это «отечество» и было для нихъ хуже ада; недаромъ нѣкоторые старообрядцы признали свѣтское и духовное правительство антихристомъ, а все государство антихристовымъ царствомъ. Чтобы дойти до этого, надо было пережить великую трагедію. За нашу вѣру, за то, что мы хотѣли вѣрить свободно, по своей совѣсти, а не по указкѣ и приказанію начальства, насъ жгли на кострахъ, вздымали на «дыбу», морили голодомъ въ земляныхъ тюрьмахъ, зарывали живыхъ въ землю, вздергивали на висѣлицу, рубили намъ головы, рѣзали языки, брали съ насъ двойной оброкъ, заставляли носить позорное платье, платить налогъ за право ношенія бороды, засѣкали до смерти на площадяхъ, ссылали въ каторгу, морили по нѣсколько десятковъ лѣтъ въ монастырскихъ казематахъ (Суздальскомъ, Соловецкомъ) и тюрьмахъ, мучили по нѣсколько лѣтъ судебной волокитой. Наши священныя книги, иконы и св. Дары сожигали; наши тѣла, десятки лѣтъ мирно покоившіяся въ гробахъ, вырывали и сожигали; наши храмы отнимали или запечатывали; нашу церковную утварь грабили «на законномъ основаніи», наши алтари въ храмахъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ полвѣка держали запечатанными, сотворивъ «на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія»; нашихъ пастырей гновили въ тюрьмахъ, подвергали публичному позору, на базарахъ собственноручно обрѣзая имъ волосы и заставляя носить картузь; нашихъ епископовъ изгоняли изъ епархій, принуждали ихъ дать письменное отреченіе отъ священнаго сана, надѣясь тѣмъ лишить насъ священства. Да чего только не вынесло многострадательное старообрядчество за 250 лѣтъ—одинъ Богъ знаетъ!

Когда мы кланялись, валялись во прахѣ предъ правительствомъ, насъ называли «врагами отечества», на насъ кричали, какъ на презрѣнныхъ холоповъ и попрошайекъ; когда мы просили, насъ чуть не въ шею гнали; когда мы плакали, надъ нами чуть не издѣвались. Много горечи и слезъ оскорбленія и кровной обиды накупѣло въ милліонахъ сердець старообрядцевъ за 250 лѣтъ. Но вѣтъ худа безъ добра!—Эти тяжелые уроки не прошли для насъ безплодно. Мы сорганизовались, мы поняли, что только въ сознательномъ единеніи—сила, а правительство своимъ отношеніемъ къ намъ показало, что только въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое. Такъ, по выраженію поэта, «тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». И пусть правительство не сътуетъ, что искони славившееся своей вѣрностью, преданностью и лойальностью старообрядчество оказалось на одной доскѣ съ оппозиционными и революционными теченіями; правительство само повинно въ этомъ, какъ и въ самомъ распространеніи революціи, которая явилась слѣдствіемъ отношенія правительства къ русскому народу.

Довольно же терпѣть и плакать, довольно унижаться и просить! Будемъ требовать и бороться вмѣстѣ съ прочими группами русскаго народа за свободу нашей отчизны, и мы, несомнѣнно, добьемся возвращенія намъ поправныхъ человѣческихъ правъ.

Правительство, очевидно, чувствуетъ и понимаетъ это и, боясь народнаго гнѣва и мщенія, начинаетъ понемногу уступать, сдаваться и, безъ всякой просьбы, дѣлать разныя льготы и „милости“ въ видѣ участившихся за послѣднее время „указовъ, манифестовъ“ и т. под., которые, впрочемъ, послѣдующими дополнительными „циркулярами“, „комиссіями“, различными „совѣщаніями“ и т. д. сводятся почти на нѣтъ.

Я, конечно, разумно обнародованные въ 1904 году манифестъ 11-го августа объ отмене тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ и сложеніи нѣкоторыхъ недоимокъ, которыхъ, впрочемъ и такъ нѣтъ никакой возможности собрать, и указъ сенату 12-го декабря о нѣкоторыхъ государственныхъ реформахъ, а также обнародованные въ текущемъ году рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ, о созывѣ „свободно-избранныхъ представителей народа“ для участія въ государственномъ управленіи, 18 февраля, и указъ сенату того же числа о правѣ каждаго подавать въ совѣтъ министровъ свои петиціи, виды и предположенія о государственныхъ реформахъ, манифестъ 6 апрѣля о сложеніи съ крестьянъ продовольственныхъ недоимокъ, распечатаніе, по личному приказанію царя, алтарей въ храмахъ старообрядческаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ 16 апрѣля и указъ сенату 17 апрѣля о вѣротерпимости.

Все это, конечно, подачки, въ надеждѣ заглушить недовольство и ропотъ въ народѣ, предотвратить взрывы народнаго гнѣва, отсрочить свое паденіе и какъ-нибудь, если представится возможность, прибрать къ рукамъ все современное освободительное движеніе русскаго народа. Нѣтъ, на эту удочку теперь уже не поймашь русскій народъ и въ числѣ его насъ, старообрядцевъ; всѣ видятъ, что это только мазанье по губамъ, чтобы выиграть время и никому ничего не дать, или, давши немного, отнять еще больше. Въ самомъ дѣлѣ, почему это чуть-ли не вчера самые скромные намеки тверскихъ земцевъ о конституціи были объявлены съ высоты трона „безсмысленными мечтаніями“, а телеграмма Царю Черниговскаго дворянскаго предводителя, отъ имени дворянъ, о томъ же самомъ была Высочайше признана „нетактичной и дерзкой“, а черезъ нѣсколько времени, въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го февраля текущаго года, дано обѣщаніе ввести въ Россіи какую-никакую, но ту же самую конституцію? Почему раньше розга признавалась для мужика необходимой, налоги и недоимки сдирали безжалостно, продавая за нихъ послѣднюю одежонку, слотинку, надворныя постройки и даже сѣни и избы, объявлялось, что все обстоитъ благополучно, что наше государственное устройство образцовое, порядки всѣхъ лучше и даже чуть ли не идеальныя, а тутъ вдругъ и розга стала не нужна, и недоимки сложили и коренныя реформы объявлены? Почему прежде на многочисленныя ходатайства отпечатать алтари Рогожскаго кладбища всегда отвѣчали отказомъ, заявляя, что это оскорбленіе православной церкви, что этого никогда не будетъ, даже нынѣ царствующій Государь на прошеніе объ этомъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, и вдругъ—тѣ же самые алтари открыты по Высочайшему повелѣнію? Почему еще недавно старообрядческому архіепископу не позволяли жить въ Москвѣ подъ предлогомъ невозможности быть двумъ архіереямъ на одной кафедрѣ, что будто бы похоже на двухъ мужей при одной женѣ, почему архіепископа Іоанна, даже по окончаніи срока двухлѣтней высылки, не допустили жить въ Москвѣ и на прошеніе старообрядцевъ о дозволеніи ему возвратиться къ своей паствѣ Государь отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, а тутъ вдругъ, безъ всякаго прошенія, ему предложено вернуться и свободно отправлять свои обязанности. Неужели правительство стало добрѣе, гуманнѣе и мягкосердечнѣе, неужели мнѣнія и взгляды его могли перемениться въ такое короткое время? Въ наше время наивно было бы думать, что въ исторіи всякое доброе и мало-мальски порядочное дѣло дѣлается изъ личныхъ—альтруистическихъ побужденій правителей, искренно, отъ всего сердца. Нѣтъ, какъ и всегда, сдѣлать это правительство заставила необходимость, боязнь народнаго мщенія и политическіе виды! Время, общественное

мнѣніе и упорное пассивное, а иногда и активное сопротивление народа. Всѣ эти „царскія милости“ объясняются, поэтому, очень просто.—Правительству нежелательно, чтобы и старообрядцы, 250 лѣтъ терпѣвшіе гоненіе и обиды, вынесшіе ужасъ инквизиціи, открыто стали въ ряды его противниковъ и усилили собою кадры разрушителей существующаго образа правленія и порядковъ.

Дѣлая недовольнымъ подачки, правительство заявляетъ, что это проявленіе его къ народу „довѣрія“, очевидно считая себя въ правѣ оказывать народу „довѣріе“ или „недовѣріе“, хотя непростительно забывая, что оно само-то не болѣе, какъ довѣрсиный народа, свободно избравшаго его, въ лицѣ царя Михаила, въ 1612 году, довѣрившаго ему управление страной и, слѣдовательно, имѣющаго право оказывать правительству довѣріе или недовѣріе и даже порицаніе, какъ это и ведется теперь во всѣхъ почти государствахъ. А то выходитъ, что довѣренный сталъ больше хозяина, считаетъ себя въ правѣ оказывать хозяину „довѣріе“, держатъ его въ черномъ тѣлѣ, затыкаютъ ему ротъ кулакомъ и чуть не гонятъ изъ своего дома. Да простятъ меня читатели за вульгарное сравненіе, но это такъ!

Высочайше утвержденными положеніями Комитета Министровъ и указомъ 17 апрѣля настоящаго года правительство даетъ старообрядцамъ въ общемъ немного. До полной свободы совѣсти еще далеко. Прерогативы государственной церкви остаются неприкосновенными; мы остаемся все въ томъ же положеніи „терпимыхъ“, лишь нѣсколькими стѣсненіями стало меньше; правительство не хочетъ даже назвать старообрядческое духовенство его настоящимъ именемъ, а отнимаетъ у насъ очень много, лишая наше духовенство свободы и поставляя его въ зависимость отъ утвержденія свѣтской власти. Что это значитъ — мы хорошо знаемъ на примѣрѣ господствующей церкви, которая такимъ путемъ порабощена правительствомъ со временъ Петра I, въ которой архіереевъ назначаютъ, увольняютъ, муштруютъ и гонятъ съ мѣста на мѣсто по усмотрѣнію свѣтскаго чиновника, и которая до сихъ поръ никакъ не можетъ стряхнуть съ себя ярмо „цезаропанизма“, уничтожающаго въ корнѣ идею свободы и самостоятельности созданной Христомъ церкви и представляющаго изъ себя, по ученію св. церковныхъ учителей, „мерзость запустѣнія“.

Очевидно правительство покушается прибрать къ рукамъ и нашу церковь. Но нѣтъ! Мы ни на какую внѣшнюю свободу, ни на какую чечевичную похлебку своего первородства, своей внутренней свободы и свободы церкви не промѣняемъ. Мы сомнѣваемся даже, что при существующемъ порядкѣ правленія даже то, что дано намъ указомъ 17 апрѣля, прочно. Миѣ, пожалуй, возразятъ, что это Высочайшій указъ, что это законъ, но не нужно забывать, что вѣдь и прежнее наше положеніе было основано на законѣ и Высочайшихъ указахъ. Но кто же не знаетъ, что у насъ нѣтъ закона, въ смыслѣ извѣстнаго, опредѣленнаго и твердаго правопорядка, который всѣ, какъ правительство, такъ и народъ, уважали бы. Достаточно припомнить немножко исторію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вѣдь отъ Алексѣя Михайловича до Екатерины II насъ и жгли на кострахъ и головы намъ рубили и прочія звѣрства надъ нами продѣлывали на основаніи закона и Высочайшихъ указовъ. Отъ Екатерины II до Николая I насъ не преслѣдовали и даже какъ будто намъ покровительствовали — мы имѣли священниковъ, храмы, колокола, публичное богослуженіе, монастыри и земли при нихъ, тоже на основаніи закона и Высочайшихъ указовъ. При Николаѣ I на насъ были воздвигнуты драконовскія гоненія опять на основаніи закона и Высочайшихъ повелѣній. При Александрѣ II и Александрѣ III гоненія на насъ

были ослаблены опять на основаніи закона и Высочайшихъ указовъ; при нынѣ царствующемъ императорѣ сначала насъ пробовали, на основаніи того же самаго закона, притѣснить—лишить священства и мизерныхъ правъ, предоставленныхъ закономъ 3 мая 1883 года, а теперь даютъ льготы—признаютъ у насъ официальное духовенство, признаютъ официально наши общества и т. д., опять на основаніи Высочайшаго указа. Ясно, что самодержавное правительство, не считающее нужнымъ считаться съ мнѣніемъ народа, нынѣ даетъ льготы, издаетъ законъ, а завтра, по своему усмотрѣнію, безпрепятственно и безапелляціонно можетъ отмѣнить его однимъ почеркомъ пера, и, слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наши „законы“, въ рукахъ царя и всевластныхъ министровъ, „какъ дышло, — куда поверни, туда и вышло“. Тѣмъ болѣе это приложимо къ закону 17 апрѣля, полному недомолвокъ, самыхъ коварныхъ и лукавыхъ, и неясностей, самыхъ двусмысленныхъ, разъяснить и разрѣшить которыхъ предоставлено подлежащимъ вѣдомствамъ, также Высочайше учрежденному 18 мая «особому совѣщанію» подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева, на которое возложена задача придать ограничительный характеръ новымъ законоположеніямъ о вѣротерпимости съ цѣлью охранить русскую государственную церковь отъ отпаденій въ иновѣрныя и инославныя исповѣданія и старообрядчество. Очевидно, нашихъ «охранителей» сильно напугали массовыя отпаденія въ католичество униатовъ въ Польшѣ, насильно записанныхъ въ „православіе“, а также въ лютеранство въ Прибалтійскомъ краѣ и даже въ іудейство, магометанство и язычество. Не предаваясь обманчивымъ иллюзіямъ и не закрывая себѣ искусственно глаза, мы должны сознавать, что и сейчасъ мы во власти тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя до сего времени вдохновляли и руководили русской политикой въ области религіи и культуры, политики полицейскаго гнета, административнаго произвола, подавленія всякой инициативы, жестокаго насилія и репрессалій. Наивно, поэтому, было бы вѣрить, что на Руси возможна какая-то вѣротерпимость и какая-то свобода совѣсти, пока живъ существующій общій строй, жива эта роковая «система», которая создаетъ подобныя условія и подобную политику, пока находятся у власти лица, создающія и поддерживающія подобныя условія и вдохновляющія подобную политику. Пусть знаютъ тѣ, кто, по близорукости своей, увѣренъ, что актомъ 17 апрѣля старообрядцамъ дано правъ болѣе, чѣмъ достаточно, что они должны восхищаться такой «царской милостью» и чѣмъ-нибудь увѣковѣчить день 17 апрѣля, кто, въ пылу увлеченія первой минутой, даже сравнивалъ этотъ актъ съ манифестомъ 19 февраля 1861 года о крестьянской «волѣ», что раскрѣпощеніе совѣсти русскаго народа не только не совершилось, но еще и не начато, и что оно осуществится лишь съ того момента, когда окончательно падетъ ультра-реакціонная политика и ея руководители, и русскій народъ получитъ возможность самъ рѣшать свою судьбу. Въ самомъ дѣлѣ, про дѣло съ указомъ 17 апрѣля «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости» теперь уже можно безъ преувеличенія сказать: *finita la comedia*. Появился онъ въ самый день св. Пасхи, но не успѣли мы дожить до Вознесенія, какъ стало ясно, что эта «вѣротерпимость» и «свобода вѣры» предназначены существовать только на бумагѣ, такъ какъ послѣдовавшія одно за другимъ ограничительныя распоряженія и фактическое «проведеніе въ жизнь» этого указа не оставили отъ него камня на камнѣ, а «охранительная» печать, всегда отражающая на себѣ взгляды и настроенія высшей бюрократіи, съ новымъ жаромъ, неистовствомъ и пѣной у рта принялась за обычную травлю иновѣрующихъ. Гдѣ же, скажите, эта «вѣротерпимость», когда не успѣло прой-

ти нѣсколько дней послѣ 17 апрѣля, не успѣли еще высохнуть чернила, которыми былъ написанъ и подписанъ «указъ о свободѣ вѣры», какъ отъ попечителей Московскаго Рогожскаго кладбища администрація успѣшила отобрать подписку въ томъ, что московскій старообрядческій архіепископъ Іоаннъ не будетъ служить въ распечатанныхъ алтаряхъ храмовъ названнаго кладбища. И это въ столицѣ! А въ провинціи преслѣдованіе старообрядцевъ, полицейскіе набѣги на ихъ дома, обыски и грабежъ практикуются, какъ и прежде, до закона 17 апрѣля.

Не младенцы же мы, въ самомъ дѣлѣ, простодушные, чтобы думать, что свобода совѣсти и права слетятъ къ намъ, какъ манна, съ неба, или ихъ намъ кто-нибудь подарить изъ великодушія. Должны же мы когда—нибудь понять, что только собственными силами можемъ мы добиться и правъ, и свободы. Жизнь насъ не обойдетъ и не обдѣлитъ правами лишь въ томъ случаѣ, если встрѣтитъ въ лицѣ нашемъ живую, сознательную, организованную силу, которая способна не только на пассивное сопротивленіе, но способна внести и свою посильную лепту въ общее дѣло устройства, способна къ творческой работѣ, въ противномъ случаѣ мы останемся за бортомъ жизни, или даже будемъ совсѣмъ уничтожены, такъ какъ жизнь, въ своемъ историческомъ движеніи, совершающемся по извѣстному опредѣленному и неумолимому закону, все на пути своемъ ломаетъ и сметаетъ, что дрябло, нежизненно и неспособно на борьбу. Теперь даже и тѣ, кто все еще колебался и вѣрилъ, что и при существующемъ строѣ возможны на Руси свобода совѣсти, слова и печати и экономическій и культурный прогрессъ, послѣ того, какъ увидѣли или услышали, какъ правительство тысячами разстрѣливаетъ мирныхъ гражданъ на улицахъ Петербурга изъ ружей и пулеметовъ, за то только, что они мирно шли къ царскому дворцу съ петиціей, какъ оно чуть не ежедневно продѣлываетъ тоже самое и въ другихъ городахъ, натравливаетъ темный народъ на всѣ свободолюбивые элементы русскаго общества, устраиваетъ и поощряетъ погромы и рѣзню между инородцами, уже поняли свое заблужденіе, поняли, что принципъ: „народу—сила мѣнѣя, правительству—сила власти, и вся построенная на немъ славянофильская система на практикѣ выѣденнаго яйца не стоятъ; въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ допустить, и гдѣ гарантія въ томъ, что правительство, пока на его сторонѣ вещественная сила власти, будетъ считаться съ народнымъ мѣнѣемъ въ вопросахъ, въ которыхъ оно—заинтересованная сторона, считая, что „не правительство—для народа, а народъ—для правительства?“ Чтобы предполагать это, нужно или совсѣмъ не знать жизни, или быть слишкомъ наивнымъ, близорукимъ и идиллически настроеннымъ, нужно предположить, что люди, а въ частности правители, вдругъ переродились, сдѣлались идеальными людьми, безъ страстей, пороковъ и недостатковъ. Это особенно стало ясно послѣ того, какъ бюрократія въ лицѣ комитета министровъ, сама публично привнеси странъ покаянную въ незаконіи, халатномъ отношеніи къ нуждамъ народа, невыносимыхъ притѣсненіяхъ и тягостной опеке надъ страной, погребла потомъ всѣ хорошія слова и проекты въ разныхъ комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и т. д., нисколько не заботясь о скорѣйшемъ обновленіи и лишь всячески ухищряясь возможно дольше сохранить отжившій режимъ и старые порядки, вопреки ясно выраженному общественному мѣнѣю, для чего не брезгуетъ даже такой безразсудной мѣрой, какъ назначеніе диктатуры съ объявленіемъ чуть не на осадномъ положеніи всей Россіи, словно непріятельской страны. Все, что любо бюрократіи, что отвѣчаетъ ея вкусамъ и стремле-

ніямъ, проводится теперь съ изумительной быстротой, но то, чего съ нетерпѣніемъ и срастностью ждетъ народъ, чего громко и открыто требуетъ общественное мнѣніе, откладывается на неопредѣленное время. «Мнѣніе» народа извѣстно правительству уже десятки лѣтъ, а политика все держится упрямно своего курса, все больше расходясь съ желаніями страны. Ясно, что не въ возможности благожелательнаго совѣта со стороны народа нуждается наша бюрократія, что «сила мнѣнія» народа равна нулю, пока правительство пользуется неограниченной «силой власти», и что мнѣніе народа только тогда будетъ дѣйствительной силой, когда мѣсто упраздненной самовластной бюрократіи займетъ суверенное народовластіе, а правительство будетъ лишь слугой народа и подконтрольнымъ исполнителемъ его воли. Это теперь поняли всѣ, кто «имѣетъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать», поняли, что правительство ничего не намѣрено дать народу добровольно, что всѣ эти «коммисіи», «совѣщанія» и «реформы» не болѣе, какъ карточные домики, которые грядущая революція смететъ съ лица земли, и что вся эта дутая вѣротерпимость ничто иное, какъ мазанье по губамъ съ цѣлью установить новыя «въ законѣ не установленныя стѣсненія». Чтобы разрушить подобныя коварныя планы и намѣренія нашихъ враговъ, намъ старообрядцамъ остается единственно—вѣрное средство—не посылать своихъ представителей въ совѣщаніе графа А. П. Игнатъева, если они будутъ приглашены, чтобы не участвовать въ обработкѣ закона, который во всякомъ случаѣ связываетъ нашу свободу и самодѣятельность, а если законъ всетаки будетъ введенъ въ нежелательномъ для насъ видѣ—встрѣтить его, по меньшей мѣрѣ, пассивнымъ сопротивленіемъ, игнорируя его, какъ и извѣстный законъ 1874 года, сила котораго разбилась о наше къ нему отношеніе.

Въ виду всего этого, не стоитъ разсыпаться въ благодарностяхъ и изливать свои чувства предъ правительствомъ за всѣ подобныя «милости». Это было бы похоже на благодарность человѣку, который, связавъ намъ руки, досыта наплевался намъ въ глаза, а потомъ ослабилъ узы и пересталъ плевать, или на благодарность такому человѣку, который, укравъ у насъ деньги и разграбивъ наше достояніе, потомъ, боясь публичнаго раскрытія своего преступленія, суда и наказанія по заслугамъ, возвратилъ намъ нашу собственность, лишь бы мы отказались отъ обвиненія и иска къ нему. Такъ не забывайте же, братья, что сила, съ которой правительству пришлось считаться и уступить—наша организованность, солидарность и единеніе, что, идя этимъ путемъ, мы наконецъ добьемся не «милости», а своего неотъемлемаго права на безусловную свободу вѣры, совѣсти и личности. Да будетъ нашимъ лозунгомъ: «Старообрядцы всѣхъ согласій, объединяйтесь на борьбу за право и свободу совѣсти!»

„МОЛИТВА“

Прѣдъ Тобѣю, мой Бѣзъ,
 ꙗ́ затѣплалъ скѣчѣ:
 Ѡ прощѣніи грѣхѣвъ
 ꙗ́ моли́твѣа хочѣ.

„Молитва“

Прѣдъ Тобою, мой Бѣга,
Иѣ затѣпалъ свѣчѣ:
Ѡ прощѣнїи грѣхѣвъ
Иѣ молїтѣла хочѣ.

Тѣбѣ Бѣжтвенный ликъ
На иконѣ стѣбѣ
Всѣмъ прощѣнїе сдѣлѣтъ,
И любовь, и покой.

Тѣ страдалъ на крестѣ,
Пролилъ кровь за людѣи;
Насъ съ Отцѣмъ примирилъ,
Крестной смѣртью Своей!..

На поносномъ крестѣ
И къ терновомъ вѣнцѣ,
Тѣ Отца умолялъ
За враговъ при концѣ.

Тѣ и намъ завѣщалъ
Не роптѣть на людѣи,
Повелѣлъ забывѣть
Ѡ безвѣдѣ Своей.

Прѣдъ Тобою, мой Бѣга,
Нѣнѣ я предстою,
И съ поникшей главѣй
Ѡ прощѣнїи молю.

Иъз нужды-нищеты
Мнѣ исходъ укажи,
И къ несчастьѣ-бѣдѣ
Тѣ меня поддержи.

Ѡ соблазновъ, грѣхѣвъ
Ѡклонїи, сохрани,
Дѣла злобы-вражды
Ѡ меня отжени.

И людѣмъ послужитѣ
Дѣи мнѣ силы, Творецъ,
Чтобъ спокойной душѣй
Встрѣтитѣ жизни конецъ...

*Пред Тобою, мой Бог,
Я затеплил свечу:
О прощеньи грехов
Я молиться хочу.*

*Твоей Божественный ликъ
На иконе той
Всем прощенье сулит,
И любовь, и покой.*

*Ты страдал на кресте,
Пролил кровь за людей,
Нас с Отцом примирил,
Крестной смертью Своей!..*

*На поносном кресте
И в терновом венце,
Ты Отца умолял
За врагов при конце.*

*Ты и нам завещал
Не роптать на людей,
Повелел забывать
Об обиде своей.*

*Пред Тобою, мой Бог,
Ныне я предстою,
И с поникшей главой
О прощеньи молю.*

*Из нужды-нищеты
Мне исход укажи,
И в несчастье-беде
Ты меня поддержи.*

*От соблазнов, грехов
Отклони, сохрани,
Духа злобы-вражды
От меня отжени.*

*И людям послужить
Дай мне силы, Творецъ,
Чтоб спокойной душой
Встретить жизни конецъ...*